

ВИРЖИНИ ГРИМАЛЬДИ

АРОМАТ СЧАСТЬЯ

СИЛЬНЕЕ
в дождь

«У автора нет предсказуемых,
приторных хеппи-энд... и это
здорово».

livelib.ru

1 000 000
читателей

Виржини Гримальди

Аромат счастья

сильнее в дождь

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43627511

Аромат счастья сильнее в дождь: Эксмо; М.; 2019

ISBN 978-5-04-102944-9

Аннотация

Я больше не люблю тебя. Пять коротких слов пулеметной очередью разбили вдребезги мир Полины. Перепробовав все возможные способы вернуть супруга, она решается на последний. Каждый день на протяжении месяца она будет отправлять ему письмо с одним из счастливых воспоминаний их совместного прошлого. Но погружение в историю может воскресить не только радостные события.

Калейдоскопом старых фотографий проходит перед нами история страшной потери и огромной любви. История, которую Виржини Гримальди рассказывает с неповторимой душевной интонацией.

Содержание

· Пролог ·	5
· Глава 1 ·	11
· Глава 2 ·	14
· Глава 3 ·	17
· Глава 4 ·	23
· Глава 5 ·	25
· Глава 6 ·	27
· Глава 7 ·	31
· Глава 8 ·	38
· Глава 9 ·	41
· Глава 10 ·	45
· Глава 11 ·	50
· Глава 12 ·	54
· Глава 13 ·	61
· Глава 14 ·	67
· Глава 15 ·	72
· Глава 16 ·	78
· Глава 17 ·	81
· Глава 18 ·	87
· Глава 19 ·	93
· Глава 20 ·	98
· Глава 21 ·	109
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Виржини Гримальди

Аромат счастья

сильнее в дождь

© Жукова Н., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Моему мужу Моим сыновьям

Никогда не узнаешь, насколько ты силен, пока у тебя не останется иного выбора, кроме как быть сильным.

Боб Марли¹

¹ Боб Марли (1945–1981) – ямайский музыкант, вокалист и композитор. – Здесь и далее примеч. пер.

· Пролог ·

20 часов 40 минут

Бен, как всегда, запаздывал. На свое первое свидание и даже на бракосочетание он тоже не успел вовремя. Уверена, что он умудрится опоздать и на собственные похороны.

– Не желаете пока что-нибудь выпить, госпожа?

Официант в третий раз нарушил мое беспокойное ожидание. Не хотелось начинать без Бена, но куда хуже показаться даром занимающей столик клиенткой, которая ничего не заказывает. И я попросила принести апельсинового сока.

– Когда придет муж, мы, пожалуй, выпили бы «Дом Периньон»².

Официант кивнул и направился к стойке. Не знаю, что меня заставило – гордость или стыд – заказать шампанское, чтобы оплатить его терпение.

21 час 00 минут

Шампанского я не люблю. Я вообще не люблю спиртного, как и всего, из-за чего теряю над собой контроль. Но тем ве-

² Марка шампанского премиум-класса.

чером я решила сделать исключение. Не каждый день доводится праздновать десятилетие семейной жизни!

Уже в сотый раз я взглянула на экран телефона. Со связью было все в порядке. Ни одного сообщения. Нет, он не мог больше тянуть. Час опоздания – его обычная норма – близился к концу.

Правда, в прошлом году он как-то явился в девять вместо половины восьмого. Напрасный труд назначать ему встречу часом раньше, чем предполагаешь увидеться, он всегда останется верным себе.

Со мной – все наоборот, обычно я всюду прихожу первой. Стараюсь выдумывать разные невероятные случайности, которые могут мне помешать, только бы никого не подвести. Сознание, что меня кому-то придется ждать, вызывает у меня панический ужас.

Волей-неволей мы уравниваем друг друга: моя спешка и его привычка опаздывать в сумме приводят к тому, что вместе мы всегда бываем вовремя.

21 час 15 минут

Мы приходили сюда уже столько лет.

Большинство клиентов считали его просто хорошим ресторано́м с панорамным видом на Аркашонский залив³. Для

³ *Аркашонский залив* (Басен д'Аркашон) – приливная лагуна на территории природной области Гасконских Ландов, во французском департаменте Жиронда

меня и Бена это был «наш ресторан».

Одиннадцать лет назад здесь он «почти» сделал мне предложение, сняв все деньги со счета, чтобы угостить меня морепродуктами и вручить позолоченное кольцо с большим цирконием вместо бриллианта. После первых четырех лет совместной жизни мы точно уверились в одном – морщинки и воспоминания нам предстояло наживать вместе.

Официант как-то странно на меня посматривал, и я уже готовилась спросить, не впился ли мне в волосы краб, пока не поняла причины: с моего лица больше часа не сходила идиотская улыбка. Я ждала кого-то, кто все никак не появлялся, и вид у меня был словно у помешанной. Этот тип наверняка принимал меня за кого-нибудь вроде Бернадетты Субиру⁴.

21 час 30 минут

Я очень надеялась, что настроение Бена окажется лучше, чем в эти последние дни. Этим вечером мы обязательно должны были встретиться только вдвоем – он и я, вне привычной круговерти повседневности.

Все последние недели я считала дни до празднования, ведь наша годовщина обязана была стать единственным,

региона Аквитания.

⁴ *Бернадетта Субиру* (1844–1879) – католическая святая, которой, по ее уверениям, являлась Дева Мария.

незабываемым и самым лучшим вечером года. Мы будем сидеть рука в руке (поедание раков приобретет символический смысл), вспоминая забавные случаи из нашей жизни, которые с каждым годом становились все смешнее, будем расссыпаться в признаниях, способных посрамить Ромео, обмениваться пылкими взглядами, строить планы на чудесное будущее, а потом уйдем с любовными батарейками, заряженными до предела.

Для нашего десятилетия я придумала волнующее продолжение. Мы поднимемся по лестнице отеля в номер двести одиннадцать. Под платье я надела чудесное кружевное белье красного цвета, его любимое. Он будет в восторге. Возможно, и я тоже.

22 часа 00 минут

Я допила бокал. Потом второй. Позвонила Бену, но он не ответил. Написала два сообщения, спрашивая, где он? Уж не забыл ли он случайно? Ответа не последовало.

Всеми силами я пыталась обуздать тревогу, ведь он так неосторожен за рулем, к тому же вечно торопится из-за привычки опаздывать. Я-то за рулем, наоборот, всегда начеку. И в этом отношении мы прекрасно дополняли друг друга.

Официант теперь смотрел на меня с откровенным недоумением. Я произнесла:

– Он обязательно придет, не беспокойтесь.

Не уверена, что именно его я пыталась уберечь от беспокойства.

22 часа 30 минут

Ресторан вскоре должен был закрыться, но я не теряла надежды. Бен не сможет не прийти. Допускаю, что в последние дни его заботила масса других вещей, но ничто не оправдывает его отсутствия в этот вечер. В интересах Бена было запастись надежным объяснением и довести его до моего сведения, по меньшей мере, с больничной койки.

Да нет, он наверняка уже в дороге. С минуты на минуту могла открыться дверь... Нет, он не мог со мной так поступить. Не мог *с нами* так поступить. Не прийти на свидание в день десятилетия нашей свадьбы стало бы слишком знакомым – в отрицательном смысле – событием. Он обязательно должен прийти. У него еще оставались тридцать минут.

Двадцать

Пятнадцать

Десять

Восемь

22 часа 52 минуты

Дверь открылась, и я поймала улыбку официанта. Ну, конечно, я так и знала!

Серые брюки. Белая рубашка. Черные ботинки. Я мгновенно узнала приближавшегося ко мне человека. Он не был Беном.

– Не сомневался, что найду тебя здесь. Пошли, мы возвращаемся.

Я упрямо затрясла головой. Оставалось восемь минут, он еще мог прийти.

– Ну, пойдем же, Полина, мама волнуется.

– Подожди, папа, он придет. Я уверена.

Отец отодвинул стул и сел напротив. Положив руку мне на плечо, он сжал его, словно хотел вернуть меня к реальности.

– Ты же знаешь, доченька, его не будет. Зачем делаешь себе больно, надеясь впустую? Он тебя бросил три месяца назад. Вставай, мы возвращаемся.

· Глава 1 ·

Спустя месяц

Труднее всего было, когда я просыпалась. Пережить эти несколько секунд – причем число их варьировалось, – пока мозг еще не сформировал отчетливого представления о моей теперешней жизни. А потом я натыкалась на страшную реальность.

Самыми тяжелыми казались эти утренние часы после мучительных ночей, когда я видела во сне, будто Бен по-прежнему рядом. Открыв глаза, я вместо белых штор, фотографии Корсики и его тела в нескольких сантиметрах от моего видела перед собой розовую стену, плакат фильма «Титаник» и себя, лежавшую в одиночестве на одноместной кровати. И уж не знаю, что было страшнее: потеря мужа, распад нашей семьи или мое возвращение в собственную подростковую комнату в тридцатипятилетнем возрасте.

Говорят, время лечит. Со мной все происходило наоборот. Я не сразу начала испытывать боль по-настоящему. Вначале я не сомневалась: Бен обязательно вернется. Произошла нелепая ошибка. Разумеется, он вовсе не думал того, о

чем говорил, скоро он это поймет, и мы посмеемся оба, а он еще больше, чем я.

Потом нахлынул гнев. Значит, ты решил поиграть со мной? Думаешь, ты мне так уж нужен? Смотри, дорогой, смотри, как я прекрасно без тебя обхожусь, я продолжаю жить, будто ничего не изменилось! Я так упорно внушала себе это, что в конце концов почти поверила: жить без него неправдоподобно легко, а те, кто не смог оправиться от несчастной любви, просто слабаки. Нет, не мужчина сделает мою жизнь несчастной!

Эта кажущаяся стойкость стала разрушаться постепенно, мелкими штришками. То внезапное желание не вставать утром с постели, то необъяснимое раздражение, слезы без причины, панические атаки... Мало-помалу мое тело наливалось пустотой. Радость из жизни ушла, желания улетучились, надежда сделала ручкой. Я жила, потому что нужно было жить, вернее, существовать, продолжать свое существование на автопилоте. Под оболочкой, которая всем казалась живой, скрывалось нечто угасшее, лишенное витальной энергии.

Знакомые подбадривали меня, хвалили, что я не пошла ко дну во время шторма, а выплыла на поверхность. Меня считали мужественной. Но на самом деле это было не так. И если я барахталась, выплывая, то лишь от страха. Потому что знала: стоит остановиться, и я немедленно окажусь на дне.

И все же в эти нескончаемо долгие дни случались моменты, когда мое сердце переполнялось счастьем. Точно в половине восьмого, когда отец еще спал, а мама принимала душ, я тихонько приоткрывала дверь в комнату, когда-то принадлежавшую моей сестре. В этой комнате, погруженной во мрак, я угадывала легкое посапывание, исходившее от детской кровати. На ощупь, в темноте, я пробиралась к маленькому горячему тельцу, укрытому одеялом. Я принималась ласкать нежные щечки, волосы, прислушивалась к дыханию, которое постепенно учащалось, к сонному постаныванию, а потом вдруг раздавался тоненький голосок, пронзавший мое сердце нежностью: «Доброе утро, мамочка!»

Руки его обвивали мне шею, детские губки запечатлевали на моей щеке звучный и влажный поцелуй. Я зарывалась носом в его мягкую шейку, еще с младенческим запахом, жадно его вдыхая. Вот теперь заправлен полный бак. Я была готова встретить новый день.

· Глава 2 ·

Мы вместе приходили в кухню, где мама уже пила кофе, листая журнал. Поласкав Мину, их боксера, Жюль взбирался на колени бабушки, поглядывая на приготовленную для него тартинку с маслом.

– Привет, дружочек, как спалось?

– Смотри, бабуля, какая у меня футболка – с Человеком-Пауком!

Я хмуро здоровалась, и мама одаривала меня улыбкой.

– Тост будешь?

Каждое утро повторялось одно и то же. Мама знала, что аппетита у меня нет, что я лишь вталкиваю в себя необходимый минимум, чтобы не заболеть, но она также знала, что ей не откажут, поскольку мне известно, что эти усилия ей слишком дорого стоят.

Завтрак, приготовленный мамой! Если мне не изменяет память, такого не было с 1980 года. Уверена, что до нашего переезда к ним она и понятия не имела, где у них находятся чашки и ложки. На протяжении четырех месяцев я видела, как она занималась делами, на которые я считала ее абсолютно неспособной, с единственной целью облегчить мне жизнь, то есть дать мне возможность вновь обрести к ней вкус. Еще до нашего появления в кухне мама успевала застелить нам постели, убрать вещи в шкаф, приготовить целых

два блюда (макароны и пиццу) и погладить футболку Жю-ля. Каждое утро она намазывала маслом тартинки и варила кофе. Как-то я даже застала ее в саду, когда она ждала нас к завтраку, за удивительным занятием: она делала вид, что подрезает розовый куст, – это она-то, способная засушить растение одним взглядом! Отношения у нас с мамой всегда были сложными, но не до такой же степени, чтобы я могла спокойно игнорировать ее старания.

Я покорно кивнула. Удовлетворенная, мама принялась нарезать хлеб, но в это время в кухню вошел отец, как всегда, в коричневом халате, которым он владел – по меньшей мере – с моего появления на свет.

– Позволь, дорогая, я сам нарежу.

Уж что-что, а уступать роль доброй феи отец никому не собирался. В их квартире такая фея – именно он. Подмести, приправить салат, покрасить ставни, достать чистые тарелки из посудомоечной машины – его страсть. С тех пор как отец вышел на пенсию, он полностью посвятил себя домашнему хозяйству и не желал уступать пальму первенства жалкой дебютантке в лице супруги. Тем, кто удивлялся такому положению вещей, мама объясняла, что она приносит себя в жертву, чтобы доставить удовольствие мужу, обожавшему заниматься домом, на что тот всегда возражал, говоря, что ему просто не оставили выбора. На самом же деле нужды одного прекрасно сочетались с изысками другого, – и наоборот, как две идеально совместимые детали «Лего».

Мне казалось, что с Беном я тоже нашла свой дополнительный кирпичик.

Но по нам прошелся тридцативосьмитонный грузовик и раздавил все к черту.

· Глава 3 ·

Говорят, время все расставляет по местам. Смягчая горе, оно превращает его в воспоминания. Чтобы процесс шел быстрее, я заполняла свое время рутиной, привычными вещами.

Все мои дни походили один на другой, различаясь мелкими деталями: Жюль, работа, бессонная ночь. Каждый второй уик-энд, когда сын оставался со мной, был до отказа насыщен разными мероприятиями. Когда он проводил выходные с Беном, я насыщала свои дни бездельем.

В этом безумном ритме пролетели четыре месяца. Оставалась надежда, что так пролетят и очередные десять лет, а я и не замечу.

Утром, как всегда, с большим запасом, я пришла на работу. Все было на своих местах, я просматривала почту, когда начали подходить мои коллеги. Я работаю ассистенткой директора в одном из агентств по трудоустройству: принимаю кандидатов, заполняю анкеты, просматриваю предложения и подбираю подходящие должности. Короче, я должна заниматься административной частью, в то время как коммерческий отдел отвечает за расширение клиентской базы.

Можно сказать, что, прежде чем у нас зарегистрироваться, клиенты успевают растерять все свои надежды и чаяния.

После крупных бюро по трудоустройству, таких как «Полюс занятости», «Надежное место» или «Келджоб», после отделов кадров и перечня вакансий супермаркетов агентства, подобные нашему, зачастую предлагающие работу по сомнительным договорам, становятся для многих последним шансом. Машинально отвечая на вопросы, они лишь слабо кивают в ответ, когда я сообщаю, что обязательно им позвоню, как только найдется что-нибудь подходящее. И если это случается, у меня наступает настоящий праздник: я кажусь себе Санта-Клаусом, хотя и без бороды.

Увы, в последнее время мешок с подарками был всегда пуст. Как обычно, я анализировала анкеты и предложения, искала соответствия и подходящих людей, но, когда те принимались меня благодарить, праздника в душе не появлялось, я оставалась ко всему равнодушной. Можно сказать, я была «плоской электрокардиограммой», сердце мое не билось.

Было уже одиннадцать, когда в агентство заглянул господин Бюсси, предприниматель, входивший в число наших самых крупных клиентов. Из всех моих пор сочилась усталость. Я уже утомилась и имела полное право на обычный набор любезностей:

- По выходным и по ночам я не работаю!
- Вот только не надо делать такую физиономию, моя птичка, иначе ты всех клиентов распугаешь!
- Вы что, не понимаете французского? *Yes, I spoke english*

*very good*⁵.

Красномордый господин Бюсси в рубашке, открывавшей живописный вид на поросшую густой шерстью грудь, решил-ся на жесткий отпор. Он заговорил, вернее, заорал, словно хотел придать словам больше веса:

– Похоже, милочка, у нас проблемы со слухом?

Несмотря на привычку к подобным вещам, на этот раз его фамильярность показалась мне такой же приятной, как скребущее по стеклу железо. Нацепив профессиональную улыбку, я произнесла не без издевки:

– Добрый день, господин Бюсси! Чем могу быть полезной?

– Если бы ты с толком занималась своей работой, уже была бы польза! – сально рассмеялся он. – Говорил же тебе, что не желаю видеть у себя некоторые, так сказать, категории временных работников! Ты ничего не поняла. Сегодня утром мне пришлось завернуть двоих прямо со строительной площадки. Будь так любезна, сделай на моем досье жирную пометку.

– Что конкретно я должна написать?

– Пиши, что я не желаю видеть черных. Эти бездельники ползают, как дохлые мухи, а не работают, больше невозможно терпеть. А один из сегодняшних вообще как под общим наркозом. Значит, пометь: никаких тебе негров, только португалцы. Ну, на крайний случай арабы.

⁵ Хорошо, я скажу по-английски (*искаж. англ.*). Дословно: «Да, я очень хорошо говорила по-английски».

– Вы отлично знаете, что это невозможно.

– Отчего же?

– Оттого, что это расизм. Это незаконно, даже хуже – аморально.

Он смерил меня снисходительным взглядом.

– Меня не интересует твое мнение, я плачу достаточно бабок твоему шефу, и ты будешь делать, что я хочу! Итак, будь добра, возьми ручку и выведи на моем досье пожирней: «Никаких негров».

Я застыла на месте, моя улыбка тоже. Меня завораживала грязная тупость этого человека. Господин Бюсси поднялся с места, схватил синий фломастер и чуть ли не ткнул мне его в нос.

– Ну, что там у тебя вместо мозгов? – выкрикнул он, бросая фломастер на стол. – Вот так они работают, эти блондинки! Будто она сама пишет законы! Бедная наша Франция! Здесь не место таким, как она, со всеми ее дипломами. Можно только пожалеть ее мужа, он, наверное...

Продолжения я не услышала. В этот момент, точнехонько в этот момент, мозг мой отключился, и тело перешло в режим автопилота.

Часом позже я уже сидела в кабинете господина Паскаля, директора нашего агентства.

– Вы что, с ума сошли?

Именно этот вопрос все время вертелся в моей голове по-

сле «инцидента». Что я могла ответить?

– Мне известно, Полина, что вы сейчас переживаете трудный период. Но вы не должны так обращаться с клиентами. Мне пришлось потратить битый час, чтобы убедить господина Бюсси не расторгать с нами контракт. Весьма прискорбный поступок.

– Простите меня, я понимаю, что зашла слишком далеко. Но... он разговаривал со мной в оскорбительной манере, неуважительно, и я...

Паскаль поднял руку, прерывая меня.

– Всем известно, что господин Бюсси далеко не ангел. Но он один из самых наших влиятельных клиентов, стало быть, нам придется проявлять снисходительность. В любом случае ваше поведение непозволительно. Раньше вы меня так не разочаровывали.

– Мне очень жаль, это совсем не в моем духе.

– Знаю, и потому воздержусь от серьезных санкций. Я думаю, вам просто необходим небольшой отдых. Сходите к врачу, побудьте дома и приходите через недельку. Тут справятся и без вас.

– Нет! Только не это! Я могу нормально работать, уверяю вас!

Он поднялся с места, покачивая головой, и заходил взад-вперед по кабинету.

– С некоторых пор вы где-то в другом месте и совершаете все больше ошибок. Отдохните немного и не беспокойтесь,

место останется за вами.

– Ну, пожалуйста, господин Паскаль! Мне необходимо работать, не поступайте так со мной!

Он положил мне руку на плечо.

– Неужели я должен напоминать вам, Полина, что вы только что запустили стеклянное пресс-папье в интимное место господина Бюсси? Я не желаю видеть вас до следующей среды. Вам необходимо время, чтобы прийти в себя.

Я сдалась. Бесплезно было упорствовать, он ни за что не уступил бы.

Время. Ну и что, скажите на милость, мне с ним делать?

· Глава 4 ·

Синдром эмоционального выгорания. Приговор врача обжалованию не подлежал. Однако я принялась горячо возражать, уверенная в своей правоте.

– Непонятно, откуда взялась у меня нервному истощению: вроде я и не перегружена работой, и ребенка не жду.

Доктор обращался со мной как с кем-то хорошо знакомым, но слегка чокнутым. Он присутствовал при моем рождении и никогда не упускал случая напомнить об этом, да что говорить, он действительно хорошо меня знал.

– Ты же знаешь, Полина, что я помог тебе появиться на свет. Ты была ростом с мой локоть, а твоя головка помещалась у меня на ладони. Помню, как ты посмотрела мне прямо в глаза и спокойно меня обмочила. Неужели ты думаешь, что сможешь от меня что-нибудь скрыть?

– Да я ничего и не скрываю, просто говорю, что для нервного истощения нет причин. Немного сорвалась на работе, но этому было оправдание. Со мной все хорошо, просто я немного устала.

Он покачал головой.

– Молчи, не говори ничего. Я, конечно, старею, но все еще неплохой врач. В последнее время с тобой столько всего произошло, и ты не щадила себя, скорее наоборот. Ты нуждаешься в отдыхе. Я выпишу тебе больничный, а через две

недели придешь ко мне на прием, и тогда мы поговорим.

– Две недели – слишком много! Я в полном порядке. Мне *необходимо* работать!

– Послушай, Полина. Ты. Далеко. Не. В порядке. Со времени последнего посещения ты похудела на восемь килограммов и выглядишь так, что краше в гроб кладут, а давление скоро упадет до нуля. Организм может не выдержать, а ведь в тебе нуждается твой ребенок...

– Знаю! Я хорошо о нем забочусь и делаю все, чтобы он был счастлив. Но если вы не позволите мне работать, у меня больше ничего не получится.

Он начал что-то записывать в блокнот.

– Две недели – и все, разговор окончен. Поверь, тебе сейчас это крайне необходимо. И еще обязательно сходи на прием к доктору Паскье, скажи, я прислал. Это очень хороший психотерапевт, он тебе поможет.

Итак, я вышла от врача с рецептом на снотворное, больничным листом и направлением к психотерапевту, решительно настроенная похоронить все это на дне сумки.

· Глава 5 ·

Каждую вторую пятницу у меня отшибает память.

Нажать на домофон.

Подождать щелчка.

Толкнуть тяжелую серую дверь.

Вызвать лифт.

Сжать его маленькую ручку в своей.

Войти в лифт.

Сосредоточиться на закрывающихся створках двери.

Этаж.

Два этажа.

Выйти из лифта.

Сделать двенадцать шагов, отделяющих нас от квартиры.

Слышать его тоненький голосок, дрожащий от нетерпения.

Глубоко вдохнуть.

Наклеить на лицо улыбку.

Позвонить.

Смотреть, как открывается дверь.

– Папа!

– Ну, здравствуй, дружок, как дела? Добрый вечер, Полина.

– Добрый вечер, Бен. Ты привезешь его ко мне в семь в воскресенье вечером?

- Договорились.
 - Держи, вот его сумка.
 - Давай.
 - Пока, дорогой мой! Повеселись хорошенько.
 - Пока, мама! Ты тоже повеселись!
- Прижать покрепче к себе.
- Запомнить его запах.
- Устоять перед желанием никуда не пустить.
- Уйти.
- Слышать, как закрывается дверь.
- Стиснуть зубы.

· Глава 6 ·

Мама что, и впрямь рассчитывала, будто переваренная курица и склеенные макароны поднимут мне настроение? Я вдруг подумала: а как же бывало раньше, не бежала ли я прежде всего поплакаться ей в жилетку?

Пока я ковырялась в тарелке, отец тоже с трудом пережевывал еду. Даже мама предпочла начать беседу, вместо того чтобы наслаждаться своим кулинарным искусством.

– Отчего бы тебе не заглянуть вечером к друзьям?

– Каким еще друзьям?

– К тем, с которыми ты раньше виделась. К Натали и Марку, Жюли, Самире с мужем – не помню, как его звали – или к твоим парижским приятелям, ну, ты знаешь, у кого две маленькие девочки...

– Лучше я останусь дома. Хочу пораньше лечь спать.

– Стоило бы тебе немного развеяться, – вмешался отец. – Ты уже сто лет ни с кем не встречалась, вот и воспользуйся моментом, пока Жюль с отцом.

– В другой раз... Я что-то устала, пожалуй, пойду к себе.

Я сгребла остатки еды с тарелки, сунула ее в посудомойку и, поцеловав родителей, поспешила в свою комнату, чтобы занять себя каким-нибудь сериалом. Конечно, порой я скучала по Натали и Жюли, да и по остальным тоже. Некоторые из друзей иногда звонили, но я никогда не брала трубку. Ни-

кого из них после нашего разрыва с мужем я не видела ни разу.

Мое горе эгоистично. Я привыкла разделять свое настроение с другими, только когда оно хорошее. Никого не хочу напрягать. А чужое несчастье напрягает.

За полчаса я успела запустить три сериала и ни на одном не остановилась. Ни один не был достаточно увлекательным, чтобы отвлечь меня от горьких размышлений. Я сама не знала, что со мной происходит. Обычно мне всегда удавалось справляться со своими мыслями. Когда я сосредотачивала их на фильме, книге или любом деле, они мне подчинялись. Но тем вечером они творили, что хотели.

Интересно, засыпает ли сейчас Жюль? Надеюсь, он не очень по мне скучает? Немного скучает, скорее всего. Похоже, он уже освоился в новой обстановке. Вот здорово, если бы и мне было четыре года. Порой задница чешется, до того хочется, чтобы тебя отшлепали! А Бен, скучает ли по мне? Думает обо мне хоть иногда? Наверняка у него уже есть другая. Меня сейчас вырвет этими жуткими макаронами. А может, все еще наладится? Или нет, не наладится. Давно пора выбросить этот дурацкий халат отца. Нет, эта серия – полный отстой. Как он был хорош в черном свитере! И за что это все на нас свалилось? Подбородок актера похож на подбородок Бена. Наверняка он уже начал жалеть. Но я его помучаю. Нет, я сделаю первый шаг. Нет, помучаю. Интересно, может, если я брошусь ему на шею, это и станет для него

мучением? Курица получилась просто омерзительной. Чем мне заняться до среды? Ненавижу его. Люблю его. У Жюля на руке синяк. Дитя мое! Как хочется пить! Бену нравился этот сериал. Это доказывает, что и он мог ошибаться. В любом случае не стоит о нем жалеть, у него волосатая задница. Пойду-ка выпью воды.

Родители сидели на диване, разгадывая кроссворд и поглядывая одним глазом на экран телевизора. Мина устроилась между ними, лапами вверх.

– Куда это ты?

– На кухню, выпью воды.

Отец поднялся, а вслед за ним и собака.

– Подожди, я помогу!

Я не удержалась от смеха, видя его воодушевление. Давненько такого не происходило. Воистину, смеяться – это как уметь кататься на велосипеде – никогда не забывается.

– Папа, я умею пользоваться краном!

Довольный, что хоть как-то расшевелил меня, он не отступался:

– Может, хочешь кока-колу или апельсиновый сок? По моему, у нас даже есть мята....

На помощь ему пришла мама – кто бы мог подумать!

– Не приготовить ли тебе кофе? Хочешь кусочек пирога? Осталось немного в холодильнике. Нужно поправиться, а то на тебя страшно смотреть.

Они суетились вокруг меня, готовые выполнить малейшее

мое желание. Я попросила бы, пожалуй, блюдо морепродуктов, лишь бы они поскорее отправились на рыбалку.

– Я хочу просто выпить воды.

У меня было единственное желание: юркнуть под одеяло и найти наконец фильм, который отвлек бы меня от мыслей. Но отец посмотрел на меня жалобным взглядом собаки, брошенной на обочине шоссе. Не говоря ни слова, я вернулась в гостиную и уселась между ними на диване. Этого оказалось достаточно, чтобы их полностью удовлетворить. Еще чуть-чуть, и они принялись бы вилять хвостом.

Отец расположился справа от меня, мама – слева, Мина в ногах, «Эксперты»⁶ – напротив. Пока я прикидывала, сколько времени нужно просидеть с ними, чтобы не нарушить приличий, мама воззвала к нашему с папой серому веществу:

– Шесть букв, «досрочный разрыв контракта».

– Какие есть буквы?

– Вторая «а» и четвертая «о». Не могу додуматься, что бы это могло быть...

Взглянув на клеточки, я подумала несколько секунд, прежде чем пришла разгадка. Кажется, мне удалось найти предлог, чтобы поскорее уйти отсюда и нырнуть в постель.

– «Развод», мама. Это «развод».

⁶ Английский сериал конца 1960-х – начала 1970-х гг.

· Глава 7 ·

Бен был далеко не единственным в этом мире мужчиной, бросившим жену. Я без труда нашла аналогии.

В последнее время я часто вспоминала свою тетю Анну. Муж оставил ее около десяти лет назад после двадцати пяти лет совместной жизни. Она была безутешна, мне редко приходилось видеть кого-то более несчастного, чем она. Я ее очень жалела. Первый месяц. После этого срока, который я сочла достаточным для разрыва, я перестала понимать, почему она продолжает страдать. Он предпочел уйти, он не умер, как она могла говорить, что ее жизнь кончена? Пришло время перевернуть страницу и начать новую. Но сейчас я была близка к ней, как никогда... Великие теории хороши для тех, кто не испытал ничего подобного на практике.

Вечером должны были прийти на ужин мои брат и сестра. Они еще не явились, а мне уже не терпелось, чтобы они поскорее ушли. Точно так же я бы отреагировала сейчас на сообщение о выигрыше в миллион евро или смерти всех моих родных: просто прищурила бы глаза.

В проеме двери моей комнаты появилась голова отца.

– Поможешь мне приготовить запеканку?

На его лице преувеличенная веселость, будто он пытался меня убедить, что чистить картошку бог весть какое увлекательное занятие.

С трудом я поднялась с кровати, на которой с самого утра распласталась, как выброшенная на берег морская звезда. Ладно, может, с готовкой время пройдет быстрее.

Едва мы поставили запеканку в духовку, в прихожей раздался голос сестры. Как всегда, пришла раньше, это наша общая черта: в отличие от матери мы настолько же маниакально точны, насколько та безалаберна, настолько же зануды, насколько та пофигистка. Иногда я думаю, не на улице ли она нас нашла?

Семейство Эммы прибыло в полном сборе. Жером, ее муж, недавно открывший свой пятый филиал в *Штатах*, и трое детей: пятнадцатилетний Милан, его сын от первого брака, который уже сдавал экзамены на степень бакалавра, дочка Сидни, умеющая здороваться на двенадцати языках в свои пять лет, и Нумеа – поразительный ребенок, спавший ночи напролет с первого дня после рождения; ей исполнилось полгода, и я готовилась сегодня услышать, что она научилась управлять самолетом.

Мне кажется, имена детям они выбирали, наугад тыкая пальцем в глобус⁷. Слава богу, что они ни разу не угодили в Нуази-ле-Сек⁸.

⁷ Имена детей Эммы и Жерома – Милан, Сидни, Нумеа, а затем и Парис – соответствуют названиям городов (Милан, Сидней, Нумеа, Париж).

⁸ Коммуна во Франции, расположенная в департаменте Сен-Сен-Дени региона Иль-де-Франс. Первая часть названия «Нуази-ле-Сек» происходит от латинского *nucetum* «ореховая роща»; вторая часть – французское слово *sec* («сухой») го-

Сестра, улыбаясь, протянула руки мне навстречу.

– Отлично выглядишь!

Представляю свой ужасный вид, раз дождалась от нее комплимента. Поблагодарив и поцеловав ее, я приготовилась к началу шоу.

– Жюля дома нет?

– Нет, он у Бена.

– Какая досада! Сидни так хотелось его повидать! Представляешь, она приготовила для него рисунок, и невозможно догадаться, что автор этого шедевра – ребенок! На следующий год запишу ее в художественную студию, нельзя же оставлять без внимания уникальный дар. Ты заметила, как подросла Нумеа? У нее уже два зубика прорезываются, доктор сказала, что девочка очень быстро развивается! Хочешь ее поддержать?

– Нет, спасибо.

– И все же тебе придется через это пройти, напоминаю, ты – ее крестная. Она уже хорошо держит головку, не нужно бояться!

– Эмма, помоги мне отнести напитки!

Я молча поблагодарила отца, избавившего меня от неловкой ситуации.

Не знаю точно, когда наши пути разошлись. В детстве мы были неразлучны. Эмма двумя годами моложе меня, но мы всегда росли как близнецы. Ромен родился через пять лет

после нее, но ему так и не удалось внедриться в наш дуэт. Сегодня я гораздо ближе к нему, чем к ней.

Не будь Эмма моей сестрой, я бы ее на дух не переносила. Ради бога, пусть бы она без конца восхваляла свою чудесную жизнь, но при этом хоть немного помнила о тех, кто ее окружает. Но все, что ее не касается непосредственно, нисколько ей не интересно. Если она звонит, значит ей что-то нужно, слушает вполуха, если ты ей что-то рассказываешь о себе, и никогда ни за кого не беспокоится. Я и так от нее ничего не ждала и даже была ей благодарна за молчание в течение последних четырех месяцев.

– Подадим-ка мы аперитив, тогда Ромен быстрее явится!

Отец расставил на подносе стаканы, фруктовый сок, розовое вино и сырное печенье, собственноручно приготовленное по такому случаю. Жером прибавил к этому еще одну бутылку.

– «Шато Пап Клеман 2009»,⁹ – возвестил он с деланой небрежностью.

– Но это же безумие! – вырвалось у мамы. – Лучше бы его побережь для особого случая.

– Собраться всем вместе – это и есть особый случай. Вас ожидает еще один сюрприз, на десерт.

Мама восторженно закудаhtала, а сестра не сводила с нее

⁹ Высокосортное сухое красное вино защищенного наименования места происхождения региона Бордо (так называемое гран крЮ).

благодарного взгляда.

– Папа, вы мне доставите большое удовольствие, если тоже попробуете.

– Ты же знаешь, я не могу, Жером.

– Что за ерунда! Пригубить гран крю не значит вернуться к пьянству. Ничего общего с вашим обычным пойлом.

Я уже приготовилась было засунуть гран крю в самую потаенную часть тела Жерома (и, ей-богу, я не имела в виду мозг), когда на сцену вышел мой брат.

– Всем привет!

Меня он поцеловал первой, ласково проведя ладонью по моей спине. Безмолвная братская поддержка. Затем поприветствовал каждого, прежде чем объявить, что умирает от голода.

– Тогда вперед! – обрадовался отец.

Мы как раз приканчивали десерт, когда Жером, который на протяжении всей трапезы не переставал намекать на ожидавший нас сюрприз, наконец решил открыть свой секрет.

– Вы все хорошо сидите?

Мы дружно кивнули. Он выпятил грудь колесом, а сестра, явно в курсе дела, заерзала на стуле от нетерпения.

– Помните Пляжный Домик в Аркашоне¹⁰?

¹⁰ Аркашон – город на юго-западе Франции (регион Новая Аквитания). Считается одним из главных исторических курортов атлантического побережья Франции.

– Что за домик? – спросил Ромен.

– Тот, о котором вы все мечтали!

Когда мы были детьми, родители часто возили нас в Аркашон на выходные. Все втроем мы настаивали, чтобы непременно пройти мимо домика с голубыми воротами, стоявшего у причала. Мы называли его Пляжным Домиком. Он завораживал нас своими большими окнами, цветущим садом и островерхой, уходящей прямо в небо крышей. Однажды я с самым серьезным видом заявила, что обязательно куплю его, когда вырасту. Все тогда долго смеялись.

Жером замолчал, чтобы наше нетерпение достигло предела.

– Ну и что дальше? – спросил брат.

– А то, что перед вами – новый владелец Пляжного Домика! И вы все приглашены провести там лето!

Сестра захлопала в ладоши, отец принялся его поздравлять, мама восторженно закудаhtала, дети запрыгали вокруг стола, а брат улыбнулся мне. Я прищурила глаза.

Следующие двадцать минут прошли в бурном обсуждении нашего будущего пребывания в Пляжном Домике. Школьные каникулы начинались через неделю, у мамы в июле отпуск, отец на пенсии, Ромен все еще в поисках работы, а сестра занималась воспитанием детей. Таким образом, решение приняли единогласно: мы поедем туда в июле, пригласив и обеих наших бабушек, чтобы вся семья была в сборе.

– А ты что скажешь, Полина? – спросила сестра.

– Что я должна сказать?

– Тебе июль подходит?

– По графику отпуск у меня в августе, но ничего страшного. Не вздумайте отказываться из-за меня!

Только не это.

– О, нет, Полинка, без тебя мы никуда не поедем! – заявил брат.

– Прости, но я ничего не могу изменить. В следующий раз!

Кратко выразив свое разочарование, все дружно вернулись к тому, что их заботило по-настоящему:

– Бассейн с подогревом?

– Сколько там комнат?

– «Тассимо»¹¹ есть?

– В саду можно будет оставить машину?

Я рассеяннo наблюдала эту сцену, мысленно благодаря шефа за то, что он буквально навязал мне отпуск в августе.

¹¹ Марка кофемашины.

· Глава 8 ·

– Значит, все кончено?

Брат задал мне вопрос, который держал мой мозг в заложниках уже четыре месяца.

В час ночи я провожала до машины Ромена: он уезжал последним.

– Не знаю. Я надеялась, что он передумает, но этого не произошло.

Опершись о дверной косяк, брат зажег сигарету.

– Ты все испробовала?

Несколько минут я молчала, перебирая в памяти мои многочисленные попытки что-то изменить.

– Звонила миллион раз, чтобы сказать, как я его люблю, умоляла, пыталась заманить на свою прежнюю квартиру, где ждала его голой в постели, приглашала на ужин, после которого надеялась освежить его чувства, угрожала, сделала селфи с незнакомцем в баре, только чтобы выложить фото в Фейсбуке, не звонила две недели, надеясь, что он отреагирует на молчание. Да, можно сказать, я испробовала все.

Ромен кивнул, глядя на меня с восхищением.

– Ну и ну! Вот уж не знал, что ты на такое способна! В постели, говоришь, ждала, голая, правда, голая?

– Как червяк.

– Дерьмово.

– Именно так.

Какое-то время мы помолчали. Я замерзла, но мне не хотелось уходить. Впервые за все это время я говорила о Бене. Обычно я уклонялась от темы или старалась общаться только с людьми, которые ее не затрагивали ради меня. У моих родителей, например, это очень хорошо получалось.

– Он говорит, что больше меня не любит, но я уверена, что он ошибается. Когда-то он был от меня без ума. Чувства не могут испариться вот так, в одночасье!

– В таком случае что же произошло?

– Понятия не имею. Последние два года отношения слегка ухудшились... Но я думала, что это просто такая полоса, потом, через какое-то время, все опять наладится. Не мог же он забыть, как мы были с ним счастливы до всего этого?

– Тогда ты должна ему об этом напомнить.

– Что?

Брат бросил окурок на тротуар и выпрямился:

– Раз он забыл о вашем счастье, ты должна ему помочь освежить его память.

– Но как?

– Не знаю, но уверен, что ты найдешь способ. Если ты действительно убеждена, что он тебя любит, ты не должна сдаваться так быстро. Это было бы неправильно.

– Вот и я себе говорю...

– Давай, Полинка, мне пора! Я еще должен увидаться с Томасом и кое-какими друзьями в клубе.

Чмокнув меня в щеку, он запрыгнул в машину и уехал. Пока он не исчез из виду, я махала ему рукой, потом подобрала валявшийся на земле окурок и вошла в дом с единственной мыслью: мне обязательно нужно найти способ напомнить Бену, что мы с ним любим друг друга.

· Глава 9 ·

Ночью я почти не спала. Место снов заняли воспоминания о наших с Беном встречах, хохоте до упаду, взаимных обидах, нашей свадьбе, поцелуях, наших телах, мечтах о будущем, наших взглядах и обещаниях. Он должен вспомнить все.

Я не понимала, как вообще он со всем этим справляется. Мне казалось, что забыть – это вообще самое страшное. Чем больше проходило времени, тем больше я боялась предать забвению его голос, запах, ощущение его кожи. Собирая свой чемодан, я достала из корзины с грязным бельем футболку Бена. Я положила ее в полиэтиленовый пакет, завязала его двойным узлом и спрятала в коробку. Если бы его запах когда-нибудь исчез из моей памяти, я смогла бы там его найти.

Последнее голосовое сообщение Бена я тоже сохранила. Я знаю его наизусть: «Привет, это я. Жюля из школы забрал. Сейчас заскочу за покупками, и мы вернемся домой. Не забудь позвать Натали на эти выходные. Целую».

Теперь в нашей жизни остались только воспоминания. Я не хочу их потерять.

В семь утра меня внезапно посетила мысль, заставившая выскочить из постели. Порывшись в ящике письменного стола моей школьной поры, я достала лист белой бумаги и руч-

ку.

Я села, немного подумала и начала писать.

31 декабря 1999 года

Это произошло 31 декабря 1999 года. У всех на уме тогда была только «проблема 2000»¹². Я же думала лишь о предстоящей вечеринке. Впервые в жизни в двадцатилетнем возрасте я позволила себе наконец провести новогоднюю ночь без родителей. С подругами по двухгодичным курсам¹³ (специальность «помощник директора»), на которые я поступила в прошлом году, мы все распланировали. В семь часов мы должны были встретиться у Жюли – нам оставался час на подготовку – вечерние платья, блески на декольте, завязки на туфельках и всякое такое – затем поест в «Пицце Хат» и отправиться в бар «Бодегон», который славился своими самыми лучшими в Бордо новогодними вечеринками. Билеты нам удалось раздобыть благодаря Лорен, флиртовавшей с одним из тамошних барменов. Мое волнение граничило с перевозбуждением, однако в преддверии радостного события мне нужно было сосредоточиться на ра-

¹² Речь идет о сбоях в работе компьютерных систем, которых опасались после 1 января 2000 г.

¹³ Имеются в виду курсы BTS (*brevet de technicien supérieur*), дающие среднее специальное образование; обучение (обычно в лицее) продолжается два года и имеет практическую направленность.

боте.

Вот уже три недели я проходила стажировку в магазине канцелярских товаров, который поставлял фурнитуру большинству предприятий, школ и учреждений региона Бордо. В моем ведении были заказы, звонки, счет-фактуры, да еще и перепады настроения шефа. Я как раз писала письмо, когда ты внезапно появился в моем кабинете. Даже запомнила слово, которое я тогда набирала: «мягкость».

– Здравствуйте, можно взглянуть на ваш компьютер?

– Почему вы хотите взглянуть на мой компьютер?

– Собираюсь украсть ваши конфиденциальные данные, поскольку работаю на конкурентов.

И ты рассмеялся. Наверное, испугался, что я сейчас дам тебе головой под дых.

– Я пришел проверить, все ли в порядке в вашем компьютере. Ваш начальник опасается, что с переходом в новое тысячелетие могут возникнуть проблемы.

– Вы компьютерщик?

– Нет, я мясник, но это почти одно и то же.

Ты продолжал посмеиваться. Я определенно внушала тебе страх.

– Пока я студент факультета информатики и вычислительной техники, господин Буффар – друг нашей семьи. Мое имя Бенжамен, но все зовут меня просто Бен. Итак, вы позволите?

Я отодвинула кресло и встала, чтобы освободить для

тебя место, раздосадованная, что ты посмеялся над моей наивностью и заставил напрасно потерять время, тем более что сегодня я не собиралась опаздывать.

А потом ты присел на корточки, чтобы добраться до системного блока, куртка задралась, джинсы сползли, и на свет божий явились плавки с рисунком из маленьких де-дов-морозиков. И тут я пропала.

· Глава 10 ·

Водит мама ничуть не лучше, чем готовит. После второго поворота меня чуть не вывернуло наизнанку, после третьего виража захотелось выпрыгнуть из машины, а после пятой попытки втиснуть автомобиль между двумя другими на парковке я стала мечтать, чтобы кто-нибудь меня удочерил.

Она настояла, чтобы я поехала с ней покупать сливочное масло. Для нее это, казалось, было настолько важно, что я просто не осмелилась отказать. В течение многих лет наши отношения сводились к приемлемому для всех минимуму. После моего ухода из родительского дома в двадцатилетнем возрасте мы встречались только по случаю праздников, болезней и похорон, да и то лишь благодаря неутомимой изобретательности отца, стремившегося хоть как-то сохранить семейные узы. Ровно до того момента, пока у меня не осталось иного выбора, кроме как вернуться в родные пенаты.

Это случилось в последний день моего пребывания на больничном. Вынужденно подчинившись, я отсидела дома весь положенный срок. Правда, я воспользовалась им, чтобы отдохнуть, насладиться Жюлем и продолжать ждать доброго знака от Бена. Но пришло время возвращаться к работе.

– Почему ты поставила машину так далеко от магазина?

Мама не ответила, она напоминала нашкодившую девчонку.

ку, которая только что разбила урну с прахом дорогого де-
душки.

– Мама, ты слышишь? Поближе наверняка нашлось бы место! У меня нет желания тащиться пешком.

– Я тебя обманула. В общем, мы поехали не совсем за мас-
лом...

– Не совсем? Что это значит?

Наконец она выключила зажигание, припарковав машину
на обочине, и начала объяснять, стараясь не глядеть мне в
глаза.

– На прошлой неделе я сходила к доктору Шинону, чтобы
продлить папе рецепт. Он сказал, что посоветовал тебе об-
ратиться к психотерапевту, однако сомневается, что ты вы-
полнишь его рекомендацию. Тогда мне пришлось это сделать
самой.

– Что ты сделала?

– Позвонила доктору Паскье, через четыре минуты он те-
бя примет.

– Это шутка?

– Вовсе нет. Пойдем, а то опоздаешь.

Внутренний протест залил мне горло свинцом, и я вышла
из машины, проследовав за мамой к серой двери. Придется
пережить неприятный момент: предстоит единственный ви-
зит, который я постараюсь забыть как можно скорее.

10 января 2000 года

Стажировка должна была закончиться 10 января. Каждый предшествующий этому день ты старался под любым предлогом посетить меня на рабочем месте. Очень важное обновление, крайне необходимые настройки, неотложное увеличение оперативной памяти. Воистину я была стажером, на редкость хорошо экипированным с точки зрения новейших информационных технологий.

В последний день ты не пришел. Я не сводила глаз с двери: твои приходы скрашивали долгие унылые дни вынужденного плена рутинной работы. Твой грубоватый юмор, твоя прямота поначалу настораживали меня, ведь я привыкла общаться с людьми, предпочитающими сдержанность спонтанности.

Когда пришло время уходить, я собрала вещи, попрощалась с коллегами и шефом и отправилась к машине, разочарованная тем, что так и не увиделась с тобой в последний раз. Ни один час провела я, продумывая идеальную для нашего расставания фразу, которая даст понять, что я совсем не против дальнейших встреч, и вместе с тем заставит тебя думать, что идея принадлежит тебе. Тренировалась я перед зеркалом до тех пор, пока она не стала вылетать из моего рта стопроцентно естественно, без сопутствующих пылающих щек и дрожащих пальцев.

К двадцати годам у меня было всего два парня. Первый, Себастьян, поцеловал меня за грузовиком на школьной парковке. Ничего, кроме отвращения, я не испытала, но продолжила с ним встречаться, потому что этим занимались все, значит, и мне нужно было. Как с сигаретами. После двух недель и нескольких укусов мне пришлось сделать неутешительный вывод: в другой жизни Себастьян был бы открывалкой для бутылок. Через какое-то время появился Сирил. Мы с ним жили в одном районе, и немудрено, что закончили в одной кровати. Он был полной противоположностью того, что нам хочется видеть в первом возлюбленном: эгоистичный, злобный, вероломный и насмешливый. С его помощью я избавилась не только от девственности, но и от многих иллюзий. Кроме этих двоих, парни, нравившиеся мне, даже не догадывались об этом. Ну а тебя я не рассчитывала больше увидеть после окончания стажировки. Мне, в общем-то, нечего было терять. Что ж, я решила попробовать что-то предпринять, но ты не пришел в тот день.

Я намеренно долго не заводила машину, беспрестанно озираясь по сторонам в надежде увидеть твои длинные светлые волосы, но впустую. Наконец включила зажигание, подумав, что так даже лучше. Мне не нравилась твоя беспечность, это уж точно. И дырявые джинсы, из которых ты не вылезал, тоже не нравились. Одним словом, ты явно был не моим человеком.

Медленно выехав за ворота, я направилась домой и, толь-

ко приехав, обнаружила под дворниками листок бумаги.

· Глава 11 ·

Доктору Паскье¹⁴ как нельзя лучше подходила его фамилия, он напоминал сдобную булочку. Я рассматривала его налитые щеки, пока он пробежал глазами записку, которую его собрат по ремеслу передал через мою маму. Лет пятьдесят с гаком, винтажный блондин с бородкой, очки с фиолетовыми стеклами в тон рубашке, на стене за креслом – фотография двух малышей, резвящихся в бассейне. Я даже немного расслабилась в обстановке несомненной нормальности. Единственным психотерапевтом, которого я до сих пор знала, был тот, кто занимался восемь лет назад моим отцом. Суровый, насмешливый и любивший поучать, он привил мне к данному роду врачей стойкий иммунитет, и я дала себе слово никогда не прибегать к услугам этих торговцев счастьем.

– Чем я могу вам помочь?

Голос прозвучал мягко, почти успокаивающе. Если он ждет, что я запою, как соловей, то очень ошибается. Раз я решила молчать, значит, буду молчать. Я еще не разучилась владеть собой.

– Ничем. Меня заставили сюда прийти мама и лечащий врач. Сама я не считаю, что нуждаюсь в помощи психотера-

¹⁴ Французская фамилия *Pasquier* происходит от слова Пасха (*Pâques*). У католиков на Пасху принято печь сдобные булочки, пироги либо фигурные печенья.

певта. При всем уважении к вам, разумеется.

Он кивнул, не утратив благожелательного выражения лица. Наверняка это для них азы профессии – делать вид, что ты действительно интересуешься тем, что тебе рассказывают.

– Раз уж вы здесь, не хотите ли этим воспользоваться? Мы можем полчаса провести вместе.

Я молча пожала плечами. Он наклонился к записке.

– По мнению моего коллеги, доктора Шинона, вы страдаете от синдрома эмоционального выгорания.

Молчание.

– Очевидно, – продолжил он, – вам пришлось пережить разлад в семье. Не могли бы вы мне об этом рассказать?

Я покачала головой.

Доктор безмолвно сверлил меня взглядом в течение нескольких секунд, так что мне пришлось отвести глаза. Затем он взял со стола одну из книг, открыл на заложенной странице и положил ее передо мной. Голос его приобрел нежность шиншилловой шкурки:

– Развод – это всегда потеря кого-то, но не только. Это потеря также и планов на будущее, потеря жизни, которую вы себе представляли. Траур по былому характерен для всех видов потерь, и он включает пять стадий. Сначала это *отрицание*: мы находимся под действием шока, ничего не чувствуем, держим удар. Затем приходит *гнев* на себя и других, нам непонятно, почему это произошло именно с нами. По-

том наступает время *торга*, попытки заключить сделку с совестью или судьбой: мы готовы на все, лишь бы повернуть время вспять и не допустить произошедшего. И только после этого следуют *депрессия* и *принятие*. Стадии могут выстраиваться одна за другой, но могут приходить и вразброд. Продолжительность их тоже бывает разной. На каком вы сейчас этапе?

Лучше бы смолчать, но не могла же я, в самом деле, позволить ему нести черт знает что?

– Как вы не понимаете... Я никого не потеряла, но муж утратил ко мне чувства. Нет причин для траура. Мне просто нужно ему помочь обрести их снова.

Он кивнул, выражая сочувствие.

– Значит, торг...

Кажется, булка начинала мне нравиться.

– Да нет здесь никакого торга, я борюсь за нас, наше супружество. А что я должна, по-вашему, делать? Сдаться только потому, что ему кажется, будто история нашей любви подошла к концу? Я убеждена, что он все еще меня любит. Впрочем, нет, если уж начистоту, я не уверена в этом до конца. Но каждый раз, когда я пытаюсь думать по-другому, когда представляю, что мужчина моей жизни смотрит на меня как на пройденный этап, передо мной вырастает гора, и я не могу ее преодолеть. Называйте это торгом, если хотите, но только я не могу с этим смириться. Каждый день я описываю одно из воспоминаний о нашей любви и посылаю ему. Если

он меня еще любит, он вернется. Если нет, вот тогда я могу начать свое погружение в траур. Но только не сейчас. Еще рано. Я не готова.

Доктор Паскье поднял руку, прерывая меня.

– Прием окончен.

– Как, уже?

– Да, уже. Давайте карточку¹⁵.

Я стала рыться в сумке, спрашивая себя, что это меня вдруг потянуло на откровенность? Нет уж, такое не должно повториться, я не из тех, кто открывает душу первому встречному-поперечному, каким бы спецом тот ни был. Если он, с этим его сострадательным видом и готовыми формулировками, думает, что со мной дело в шляпе – он сильно ошибается.

Вернув мне карту, он забрал чек и посмотрел на свое расписание.

– Увидимся через пару недель? – сказал он.

Мне хватило пары секунд, чтобы сделать встречное предложение:

– Может, лучше на следующей неделе?

¹⁵ Карту медицинского страхования.

· Глава 12 ·

Говорят, что если как следует выговориться, сразу почувствуешь облегчение. Хотела бы я знать тогда, почему, с тех пор как я попала к этому чертову психотерапевту, я не переставала вновь проживать тот момент, когда обрушилось мое прежнее существование.

«Я хочу, чтобы мы развелись».

Пять слов. Две секунды. Одна фраза.

Для того чтобы жизнь пошла под откос, мало что нужно.

Я только что уложила Жюля, это было в пятницу вечером. Бен вернулся раньше обычного, и я обрадовалась: вот уже много недель подряд я проводила вечерние часы в одиночестве, а сегодня у нас появлялась возможность вместе посмотреть начало фильма. Ради такого случая я даже решила сходить за шоколадными конфетами для нас обоих.

Он сидел на диване, когда я вернулась в гостиную. И выглядел совсем не как человек, которому хочется шоколада. Я спросила, все ли у него в порядке, на что он ответил: «Сядь». Сердце у меня заколотилось, я подумала, что случилось что-то важное. И, как выяснилось, я не ошиблась.

– Я хочу, чтобы все закончилось, Полина. С нами что-то не так. Дальше это не может продолжаться, мне жаль...

– Да с кем что-то не так? – еле выговорила я.

– С нами, с тобой, со мной, со всеми! Мы больше не понимаем друг друга, что толку цепляться за брак. Ведь мы еще молоды и не должны отравлять друг другу жизнь.

Его слова прозвучали настолько фальшиво, что я даже решила, что он просто воспроизводит одну из фразочек сериала, который мы так любили смотреть вместе. То, что он сказал, не имело ничего общего с нашей жизнью.

– Ты шутишь, ведь да?

Я взглянула на него с надеждой. Сейчас он рассмеется и достанет спрятанную за занавесками камеру.

– Да нет, я серьезно, Полина. Не делай вид, что ничего не видишь, пожалуйста. Не усложняй. Мы месяцами молчим, а если и говорим, то только о Жюле, ты никогда не хочешь обсуждать то, что гложет нас обоих, и я уж не помню, когда мы с тобой в последний раз занимались любовью.

Голова у меня пошла кругом, мне показалось, что все это происходит не со мной, а с кем-то другим. Я поднялась с дивана, взяла пульт и включила телевизор.

– Полина, выслушай меня.

Я принялась жать на пульт, отыскивая канал, который нравился нам обоим. *TF1, France2, France3, France5, M6, Arte, C8...*

– Полина, пожалуйста...

Голос его становился все мягче, в то время как слова делались все жестче.

W9, TMC, NT1, NRJ12...

– Я хочу, чтобы мы развелись, Полина. Я больше тебя не люблю.

NRJ12. NRJ12. NRJ12.

Мы довольно долго просидели молча. Слова застряли у меня в горле. Да и что я могла бы ответить? Что когда-то мы поклялись любить друг друга, пока смерть не разлучит нас, и оба вроде как живы? Что просто пришла черная полоса, будут и другие, но мы все их успешно преодолеем? Что да, мне сейчас совсем не сладко, но я сделаю над собой усилие? Что я его ненавижу?

Он вышел из гостиной, потом вернулся с одеялом и подушкой.

Ночь я провела одна в супружеской постели, борясь с желанием пойти к нему, чтобы он меня поскорее утешил. Всю бессонную ночь я пыталась взвесить, насколько это вероятно. Утром, как утверждала житейская мудрость, он скажет мне, что сожалеет, что у него крыша поехала и он наговорил мне бог знает что, и на работе у него сейчас полный кавардак, а летом мы втроем отправимся на отдых...

Все же я решилась и пришла в гостиную, легла рядом, прижавшись к нему всем телом. Он спал, хотя в спину ему упирались пружины, а сам он недавно нанес сокрушительный удар нашему браку. Я нежно прикоснулась губами к его губам, он открыл глаза и несколько секунд не сопротивлялся поцелую, а я тем временем погружалась в блаженное упо-

коение, но затем он отодвинулся от меня.

– Прекрати, Полина! Я же сказал, все кончено.

Я больше не была его милочкой, его сердечком, его котеночком. Теперь я стала Полиной, камешком в башмаке.

Внезапно меня охватил гнев, мощная преграда, способная сдерживать волны печали, которые уже грозили меня затопить.

В бешенстве оттого, что он меня оттолкнул, а я выставила себя перед ним в смешном свете, я пулей выскочила из-под одеяла. Схватив чемодан, я принялась запихивать в него вещи, наблюдая за реакцией Бена. Я собиралась уйти и забрать сына, но муж не воспротивился ничему, а продолжал сидеть на диване, обхватив голову руками.

– И куда вы пойдете? – спросил он, когда я сказала Жюлю попрощаться с папой.

– К родителям.

– Ты можешь остаться здесь.

– Нет, не могу.

– Как я смогу видаться с сыном?

– Достаточно спросить, когда захочешь. Это был твой выбор, не мой.

Он с силой прижал ребенка к себе, сказал: «До скорого, старина!», и я почувствовала, что мое сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Бен проводил нас до двери. Жюль вышел из квартиры очень довольный тем, что мы поедем к бабушке с бабушкой, и когда я в последний раз посмотрела на мужа, то увидела, что он плакал. Повернувшись к нему спиной, я

ушла из дома, который когда-то считала своим. Не успела я сделать и пары шагов, как дверь почти бесшумно закрылась. Не ожидала я, что дверь может быть настолько деликатной.

Несколько секунд после того как дверь закрылась, я стояла, будто вросла в пол, не в силах пошевелиться. Но тут Жюль, мой маленький, любовь моей жизни, схватил меня за руку и, подпрыгивая, потащил к лифту.

15 января 2000 года

«Встретимся перед мэрией в субботу в 16.00». Это было в записке, которую я нашла под дворниками. В двадцать минут пятого я уже собиралась убраться восвояси, но в это время ты как раз подрулил на старенькой «Визе».

– Прости, у меня на работе возникли неприятности!

Тогда впервые я увидела тебя вне стен офиса. Ты казался мне меньше ростом, но вместе с тем и более привлекательным. На тебе были джинсы, куртка-пуховик и шапочка. Я вырядилась в самое свое красивое платье, скрывавшее покрывшуюся от волнения мурашками кожу. Какое-то время мы молча смотрели друг на друга, не зная, что сказать, но потом ты кивнул, показывая на свою машину.

– Сядешь ко мне?

Я пересела в «Визу», ты включил зажигание, но двигатель не завелся, я посмотрела на тебя, и ты улыбнулся. Попытался снова, и на этот раз получилось. Тогда ты шутливо

поцеловал руль и попросил «бибику», чтобы она тронулась с места, я засмеялась, «бибика» повиновалась, и мы выехали на дорогу, ведущую в Аркашон.

– Думаю, мы отлично развлечемся! – сказал ты.

– Не сомневаюсь!

Родителям я сообщила, что собираюсь провести вечер у моей подруги Натали. Вероятно, они не увидели бы ничего особенного в моем свидании, но я все же воздержалась от того, чтобы сказать правду. А что, если он окажется серийным убийцей?

Мои сомнения возросли, когда машина начала дергаться и ехать рывками. Они сменились почти полной уверенностью, когда мотор окончательно отдал богу душу. Мы находились среди сосен, ближайшая деревня лежала в нескольких километрах отсюда, наступал вечер, и теперь, вне сомнений, ты сделаешь это – отрезеши мне голову с помощью пилы, спрятанной в большом черном рюкзаке, валявшемся на заднем сиденье, а затем положишь ее в коробку, как в фильме «Семь»¹⁶.

Сколько ни старался ты оживить «бибику», все было напрасно. На несколько секунд ты прислонился лбом к рулю, чтобы придать себе мужества, а потом расхохотался.

– Знаешь, куда я собирался тебя отвезти?

¹⁶ «Семь» (англ. *Seven*) – американский триллер в стиле неонуар, снятый Дэвидом Финчером по сценарию Эндрю Кевина Уокера. Лента рассказывает о расследовании серии убийств, связанных с семью смертными грехами.

– Не знаю, – ответила я недоверчивым тоном.

– На дюну Пила¹⁷, полюбоваться закатом. Смотри, я приготовил все, что нужно.

Ты открыл черный рюкзак и вытащил оттуда одеяло, свечи, бутерброды, бутылку игристого вина и пластиковые фужеры.

Я тоже рассмеялась. Выходит, головы я не лишу. Успокоенная, я тут же изложила тебе свою идею, и ты сразу же согласился.

Так мы провели наш первый вечер на заднем сиденье издохшей «Визы», разделив одно одеяло, бутерброды с паштеймом и пузырьки игристого в разгар января.

К полуночи мы уже успели рассказать друг другу о том, как мы живем, о мечтах на будущее, планах изменить мир с высоты нашего двадцатилетнего возраста, но так и не осмелились поцеловаться.

В конце концов нам удалось остановить автомобиль, который довез нас до мэрии. Ты проводил меня до моей машины, я поблагодарила тебя, а ты сказал: «Это тебе спасибо», я пристегнулась, и тогда ты наклонился и поцеловал меня в губы нежным поцелуем, приятно пахнувшим паштеймом.

¹⁷ Белоснежная дюна Пила, или Пилат, расположенная в горле Аркашонского залива на юго-западе Франции, считается самой крупной в Европе. Она имеет высоту 108 м, простираясь вдоль побережья более чем на 3 км. Ширина песчаного бархана составляет порядка 500 м.

· Глава 13 ·

– Мам, а когда мы вернемся домой?

Жюль в своей пижамке с Базз Лайтер¹⁸ распластался на мне всем телом, пока я слегка почесывала ему головку. Таков был наш ежевечерний ритуал перед сном, до того как отправиться чистить зубы и в туалет. Моя мама, сидевшая рядом с нами на диване, следила за моей реакцией.

– Теперь наш дом здесь, котенок.

Он отпрянул и округлил глаза от изумления.

– Нет, мам, это же дом бабушки и дедушки! А я хочу жить вместе с папой!

Я продолжала улыбаться так, словно мое сердце не обливалось кровью.

– Скоро ты поедешь к папе, дорогой. А пока Светик хочет пожелать тебе спокойной ночи!

Он скрестил руки на груди и набычился.

– Нет, я не буду спать!

– Послушай, Жюль, уже поздно, завтра нужно в садик, давай!

– Ну, пожалуйста, мама, давай еще поласкаемся!

Я уже почти сдалась, как это бывало каждым вечером, но тут раздался голос моего отца:

¹⁸ *Базз Лайтер* – астронавт, герой мультфильма.

– Думаю, этот малыш сейчас достанется мне, и я его съем!

Слова его всегда производили немедленный эффект: Жюль начинал бегать, взвизгивая, пока бабушке не удавалось наконец его изловить, чтобы покрыть животик внука звучными поцелуями. Несколько мгновений я созерцала это веселое действо, давая волнам смеха стереть мою тревогу.

Последние две ночи Жюль снова обмочился в постели. Мне придавало сил то, что вроде бы сын не страдал от нашего разрыва. И все же я не чувствовала полной уверенности, и это причиняло мне боль. Я уже предвидела, как через несколько часов сын заплачет и позовет меня, потому что постель его будет мокрой. Он будет дрожать, просить прощения, а я стану его утешать, говорить, что он еще маленький, а маленькие имеют право мочиться в постель, возьму его на руки, чтобы согреть, переодену, и он закончит ночь в моей постели, раскинув руки и ноги так, что мне придется постараться не свалиться на пол. Но нет таких жертв, которые мать не принесла бы, чтобы с невинного детского личика никогда не сходила светлая улыбка.

Для моего ребенка я была готова на все. Могла есть холодную еду, миллион раз смотреть «В поисках Немо»¹⁹, не мечтавая превратить его в несчастную рыбешку, отдать последний кусочек любимого лакомства, не обращать внимания на затекшую руку, если сын засыпал на моем плече, прикреплять

¹⁹ «В поисках Немо» – американо-австралийский мультфильм про приключения любознательного сынишки рыбы-клоуна.

солнцезащитный козырек «Машинки» в своем автомобиле, вставать сотню раз за ночь, не показывая клыков, бесконечно слушать песенку Рене Крота²⁰, восторгаться бусами из сухих макарон, улыбаться, когда он меня будит, засовывая палец в ухо, есть вместе с ним овощи, которых он не любит, сохранять спокойствие, обнаружив свой телефон в унитазе, выковыривать из волос пластилин, часами бродить по парку, вытирать, если его вдруг вырвет, без звука соглашаться на игрушки, «дополняющие» интерьер квартиры, превращаться в лошадку, диван, батут или горку, подавлять крик, когда ночью босиком наступаешь на валяющуюся игрушку, соглашаться на то, что кто-то щиплет тебя за «эти штучки», похихатывая, мириться с растяжками и складками, заменившими мне плоский когда-то живот, отменять потрясающий уик-энд, потому, что к нам пожаловала ветрянка, заменять грубые слова смешными, хлопать в ладоши, если он пописал в горшок, чревоуважать за плюшевого медвежонка.

Я бы не вынесла, если бы сын стал несчастным.

После massированной атаки дедушки Жюль начал икать. Воспользовавшись передышкой, я схватила его в объятия.

– Ну, все, малыш, пойдем спать!

Он принялся меня отталкивать, цепляясь за дедушкину шею.

²⁰ *Рене Ля Топ* (рис. Рене Крот) – французский анимированный певец, созданный в 2009 г. студией *Fox Mobile Group*. Внешне Рене Ля Топ больше напоминает сурка, чем крота.

– Нет, не хочу с тобой! Хочу с дедулей!

Отец посмотрел на меня вопросительно. Я знаком дала понять, что согласна, и помахала рукой моему сокровищу, пока они направлялись в детскую. Мама похлопала по дивану рядом с собой, приглашая меня присесть. Мина вздохнула, нехотя одну за другой спустила лапы вниз и сползла на пол.

– Выпьешь травяной настойки?

– Нет, спасибо.

– Посидишь с нами немного?

– Да нет, я пойду в свою комнату, посмотрю что-нибудь.

– Малыш, кажется, не совсем в порядке.

Я подняла глаза к небу.

– Он просто немного устал, всю неделю он ложился позже обычного. Перестань беспокоиться по пустякам, мама.

Но мама нашла ранившие слова и произнесла их, глядя мне прямо в глаза:

– Можешь притворяться, что у тебя все хорошо, сколько твоей душе угодно. Но нельзя закрывать глаза на то, что это отражается на твоём сыне. Ребенку плохо, тебе следует взять себя в руки.

– Да что это значит – взять себя в руки? Не вижу связи! Согласна, возможно, Жюль немного выбит из колеи, но ведь его родители только что разошлись, что в этом необычного?

– Думаю, что проблема не в том. Он страдает оттого, что видит тебя несчастной. Такие вещи бесполезно скрывать, де-

ти все впитывают как губки. Недавно в нашей больнице читали лекцию на эту тему, в ней говорилось, что нет ничего хуже, чем демонстрировать настроение, противоположное тому, что ты испытываешь на самом деле. В этом содержится тревожный посыл.

Мама всегда знала, что лучше для моего ребенка. Во-первых, потому, что она – моя мама, а во-вторых, потому, что она акушерка. Двойной аргумент.

– Бен обязательно вернется, мама. И всем сразу станет легче.

Она на меня посмотрела так, словно я только что снесла яйцо.

– Пора бы тебе, Полина, прийти в себя. Бен может вернуться, а может и не вернуться. Тебе нужно двигаться вперед, твоя жизнь продолжается.

Мне совсем не хотелось все это выслушивать. Как же они меня достали с их желанием, чтобы я двигалась вперед! Я остановилась, не выключив мотора, и просто жду, когда Бен вернется и вновь займет пассажирское сиденье. Неужели так трудно это понять?

Поцеловав маму, я пожелала ей доброй ночи.

Я уже устроилась на кровати, когда мой телефон зазвонил. Пришло сообщение. Как я поступала каждый раз, я вновь обратилась с мольбой к богу телекоммуникаций: «Сделай так, чтобы это был он!»

Разблокировала экран. Бог существует.

От кого: от моей любви.

Текст сообщения: «Мы можем увидеться?»»

· Глава 14 ·

Когда я пришла, он меня уже ждал. Я направилась к его столику, пытаясь не анализировать ни его первый шаг, ни застывшее на его лице выражение крайней важности, с которым он уставился на экран телефона. Когда в ответном сообщении я спросила, зачем нам нужно увидеться, Бен написал, что хотел бы поговорить со мной «вживую», и поставил смайлик. Я на всякий случай подкрасила ресницы водостойкой тушью.

Он убрал телефон, заметив меня, и смотрел на меня без улыбки, пока я усаживалась напротив. Сердитый смайлик.

– Привет, Полина!

– Привет...

– Выпьешь что-нибудь?

Взглянув на стоящее перед ним пиво, я заказала апельсиновый сок.

– Зачем ты хотел меня видеть?

Он отпил глоток и поджал губы, как он это делает каждый раз, когда чем-то смущен. Бен выглядел напряженным, я старалась справиться с дрожащими руками, он не улыбался, а я, пожалуй, слишком много улыбалась. Люди наверняка должны были подумать, что это наше первое свидание. Кто бы поверил, что раньше мы с ним целовались часами напролет, что он держал меня за руку, пока я рожала нашего сы-

на, что мы знали друг друга до мелочей, что, по его словам, я всегда была для него самым главным человеком в жизни. Кто бы мог подумать, что мы носили с ним одну фамилию?

С того момента, когда я получила его послание, мои надежды, которые мне удалось сжать до совсем маленького шарика, стали рваться наружу. А что, если он передумал? Что, если осознал ошибку? Вдруг ему меня не хватает?

– Нам нужно продать квартиру.

Мое сердце упало и разбилось вдребезги.

Он продолжил:

– Мне трудно там жить. Я связался с одним агентством недвижимости, и мы сможем получить приличную сумму. Справился и насчет кредита, мы можем переводить деньги по отдельным счетам и даже досрочно его погасить, но это не обязательно. Что ты думаешь?

– ...

– Полина, ты ничего не скажешь?

– Можно задать вопрос?

Он кивнул.

– Как тебе это удастся?

– Что удастся?

– Справляться с этим? Как ты можешь жить без нас? Твою мать, Бен, как ты можешь оставаться настолько равнодушным? Ты превратился в незнакомца, тебе непременно нужно быть таким отстраненным? Это же я... Полина, твоя жена!

На миг он оцепенел, потом запустил руку в свои локоны

и начал их взъерошивать.

– Я стараюсь об этом не думать, не оглядываюсь назад. Мне было слишком тяжело, Полина, я с этим не справлялся.

– Неужели я причинила тебе столько зла?

Ответа не последовало.

– Ты получаешь мои письма?

– Да.

– Хорошо. Я хочу кое о чем тебя попросить: дай мне время до конца июля. К тому времени я закончу посылать тебе свои воспоминания о нашей жизни. Если это не заставит тебя передумать, мы продадим квартиру и разведемся. Ты не против?

– Полина...

– Пожалуйста.

Он вздохнул.

– Ладно, если ты хочешь. Так и поступим.

Я отпила соку, оставила мелочь на столике, поднялась и ушла.

Правильно я все-таки сделала, что накружилась водостойкой тушью.

14 февраля 2000 года

Был День святого Валентина. Я еще никогда не приходила к тебе домой.

Ты жил вместе с родителями, но в изолированной комна-

те, устроенной в старом гараже. У тебя даже имелась собственная ванная. Уже стемнело, мы возвращались из кинотеатра «Француз», где показывали «Титаник» в оригинальной версии. После выхода этого фильма я видела его не меньше пяти раз в кинозале и столько же на видеоманитофоне; я наизусть знала все реплики Розы и взгляды Джека, но при каждом просмотре неизменным оставалось одно: когда она садилась в спасательную шлюпку, оставив его на деревянном обломке, глаза мои превращались в фонтан.

Я все еще всхлипывала, входя в дверь твоей комнаты. Вид ее меня сразу успокоил, она была обставлена с большим вкусом. С большим вкусом шестилетнего ребенка. Идя вслед за тобой и на ходу разглядывая все вокруг, я присела на раскладной диван между корабликом из «Лего» и стеллажом, уставленным модельками машин.

Ты встал рядом со мной. Мы оба знали, зачем мы здесь, уж точно не для того, чтобы собирать конструктор. Мы долго целовались, но никто не осмеливался на жест, который позволил бы нам перейти на следующий уровень. До встречи с тобой у меня это было дважды, да и у тебя вряд ли большие. Я надела самые красивые трусики, и ты упал в мои душистые объятия.

Целых пять минут ты не мог растягнуть бюстгальтер, наконец я сама это сделала, ты лег на меня, едва не задушив, и тогда я села сверху, наверняка придавив все твое хозяйство и чуть не лишив мужской силы. Ты принялся мять

мои груди, пока они не изменили форму, а тем временем моя рука ласкала тебе низ живота, не осмеливаясь поддаться слишком близко к «носу Буратино», так что наш первый раз рисковал обернуться полным провалом, но тут ты неожиданно зарылся лицом у меня между бедер. Я пыталась справиться со своим голосом, сдержаться, но мои громкие стоны перекрыли звук открывающейся двери. Первое впечатление обо мне у твоей матери было таким: девица на грани оргазма держит между ног голову ее сына, чье лицо украшено кудрявыми «усиками».

· Глава 15 ·

В садике был утренник, посвященный началу нового учебного года. Вот и закончился первый год пребывания Жюля в детском саду. Мне так хорошо запомнился этот день, словно все произошло вчера.

Как только мы вошли, Жюль тут же выпустил мою руку и бросился к приятелям. На нем был костюм садовника, на Итане – морковки, на Анне – клубники. Тема выступления хранилась в секрете, но мы тем не менее успели получить немало подсказок.

Мама взяла меня за руку и шепнула прямо в ухо:

– Здесь Бен.

Я проследила за ее взглядом. Он сидел в первом ряду, перед самой сценой. Рядом с ним была его мать, которая тут же отвернулась, делая вид, что меня не видит. Бен встал и направился к нам. С моими родителями после развода он виделся впервые.

Поприветствовав меня кивком, он поцеловал маму и протянул руку отцу, который сдержанно ее пожал. Несколько секунд мы простояли молча, сами вполне заслуживая ролей в каком-нибудь спектакле, затем он махнул нам рукой и пошел в сторону Жюля, который только крикнул ему издалека «Здравствуй!», слишком увлеченный игрой с Тео-Луком-Пореем. Волей-неволей Бену пришлось вернуться к

своей матери невозмутимой походкой «мне на все наплевать», однако понурые плечи говорили о другом.

– Так ему и надо, – прошептала мне мама.

Я кивнула, борясь с желанием пойти к нему и поскорее его утешить.

Праздничный концерт начинали самые младшие. Группа Жюля. Пока директриса заканчивала приветственную речь, дети готовились к выходу на сцену.

Я достала фотоаппарат из футляра, проверила, есть ли в кармашке запасная батарейка, и доверила видеосъемку моему отцу.

Директрисе зааплодировали, потом раздалась музыка, и на сцену, танцуя, вывалилась целая корзина фруктов и овощей. В сторонке, ожидая своей очереди, переминался с ноги на ногу мой малыш с перекошенным ртом. Я прекрасно знала, предвестником чего было это страдальческое выражение, оно не обещало ничего хорошего. Я стала приветственно махать ему, посылать воздушные поцелуи и улыбки, чтобы его подбодрить. Все напрасно. Когда ребенок хотел по-большому, это оказывалось сильнее всего.

Отец мой тоже заметил.

– Надеюсь, он сумеет сдержаться...

– Он не сможет, это было бы чудом.

Наконец мой маленький садовник вышел на сцену впри-

прыжку, с лейкой в руке. С сосредоточенным лицом он останавливался перед каждым из своих товарищей, стоявших на коленках, и делал вид, что поливает их. Впервые в жизни я волновалась, видя, как орошают водой морковку. Все испортилось, когда дело дошло до огурца. Внезапно Жюль выпустил из рук лейку и схватился за попку, пританцовывая на месте. Он не отрывал глаз от моего лица, словно моля о помощи. Я защелкала пальцами изо всех сил, чтобы остановить действие, но это не сработало.

Я вскочила и поспешила к воспитательнице, чтобы попросить ее увести моего сына со сцены. Жюль понял и побежал прямо ко мне. Остальное случилось в мгновение ока. С глазами, полными слез, он споткнулся о «корешки» Лука-Порея и растянулся во всю длину. Он немедленно поднялся на ноги и начал пятиться назад, увидев, что разорвал фартук. Все его личико было мокрым от слез. Я стала показывать ему жестами, чтобы он бежал ко мне, но он продолжал пятиться, приближаясь к краю сцены. Я уже кричала во весь голос, зрители кричали, воспитательница кричала, и наконец ножка Жюля оказалась в пустоте, перед тем как туда рухнуло его маленькое тело.

27 мая 2000 года

*— О, да вы поменьше ростом, чем ваша предшественница!
Именно эта фраза дала старт моим отношениям с тво-*

ей мамой. Правда, ты меня предупредил: твоя мать и благожелательность всегда старались держаться друг от друга подальше.

Я почувствовала, как твоя рука крепко сжала мою, когда мы вместе переступили порог дома, в котором ты вырос.

Сам Людовик XIV не украсил бы его иначе: дуб, позолота, gobelены, натюрморты, заслуживающие своего названия²¹, кресла, обитые бархатом, семейные портреты, бронзовые статуэтки и прямо посреди гостиной – стол, уставленный настоящим фарфором и серебряными приборами.

– Присаживайтесь, мы сразу начнем с еды.

Суд состоял из трех заседателей: твоей матери, отчима и его пятнадцатилетнего сына. Семейство было в полном сборе, в отличие от меня, распавшейся на мелкие кусочки.

Допрос проходил крещендо. К концу главного блюда все уже знали, что я люблю устрицы и не очень – стручковую фасоль, что я на год тебя старше, что у меня был кот по кличке Нестор, и, уж конечно, что я еще не закончила учебу и потому пока не зарабатывала, но учиться мне нравилось, слава богу, мои родители до сих пор живут в браке, мама по специальности акушерка, а отец раньше работал на заводе, что нет, разумеется, они не шикают, да, снимают жилье, нет, можно чувствовать себя вполне счастливой, даже если ты вырос в скромной семье, да, я представляю, чем они

²¹ То есть «мертвая природа».

занимались всю жизнь и не скажу, чтобы это приводило меня восторг, да, я охотно съем еще немного жаркого.

На втором кусочке десерта твой отчим и его кустистые брови задали мне дополнительный вопрос:

– А почему вы решили встречаться с Бенжаменом?

Намек на то, что мы из разных социальных кругов, был завуалирован едва-едва. Честно говоря, мне трудно было понять их озабоченность. Ты рассказывал, что мать происходила из состоятельной семьи, которая впоследствии разорилась, то есть богатства там не было. Кроме того, она считала, что ты обязан сам себя содержать, и не давала тебе ни гроша. Будь я нацелена на богатенького, уж точно, успела бы обучиться прицельной стрельбе.

Ты смотрел на меня, улыбаясь:

– Можешь сказать им правду.

Кровь прилила мне к лицу.

– Что значит «правду»?

– Объясни, почему ты на самом деле со мной.

Я пробормотала что-то, пытаясь найти ответ в твоих глазах.

– Полина не осмелится признаться, – продолжил ты, приковав к себе внимание семейства, – но она со мной по единственной причине.

Троица наблюдала за твоим ртом в ожидании. И ты решил их добить, чтобы не мучились.

– Потому, что я очень хорош в постели.

Я отчетливо видела, как в их глазах застыл ужас. А ты прыснул со смеху, прежде чем проглотить кусочек пирога. Большие никто из них не раскрыл рта. В тот вечер, когда ты проводил меня до дома, я впервые сказала: «Я тебя люблю». Уточнив, что вовсе не только за то, на что он намекнул за столом.

· Глава 16 ·

В коридоре перед рентгеновским кабинетом было полным-полно народу. Меня не пустили туда вместе с сыном, но врач «Скорой» меня обнадежил. У Жюля сработал защитный рефлекс, и он приземлился на руки, а голова осталась невредимой.

Бен сидел рядом. Мы не обменялись ни единым словом с тех пор, как сюда приехали. Почти парализованная от страха, я и не думала о том, чтобы завязать разговор. Мой малыш, мое сердечко, сейчас там один, пока незнакомые люди его обследовали. Наверное, он сейчас в ужасе, у него все болит, и я считала секунды, чтобы время шло быстрее.

Не знаю, какие воспоминания он сохранит от своего детства. Мне неизвестно, каким образом мозг отбирает то, что должно остаться в памяти, а что будет предано забвению. Когда мне было шесть лет, я однажды упала с дерева и разбила лоб. С тех времен у меня сохранились шрам и отрывочные воспоминания. Как меня на руках нес отец. Как кричала мама. Кровь, заливавшая мне глаза. Плохие моменты врезаются в память сильнее, чем хорошие. Последние я тщательно заново в тетрадку с момента рождения сына. Немножко для него, немножко для себя. Тетрадку эту я отдам ему в день его восемнадцатилетия, положив ее большую голубую картонку вместе с первыми башмачками, пустышкой, мягкой игруш-

кой и первой медицинской картой. Если бы я могла, то все плохие воспоминания я бы сложила в другую коробку и сожгла ее.

– Я пошел, – заявил вдруг Бен, поднимаясь с места.

– Как это «пошел»?

– Мне нужно кое-что сделать сегодня вечером, я никак не могу отложить. Доктор сказал, что нет ничего серьезного, ведь ты будешь меня держать в курсе, не так ли?

– Ты шутишь, Бен?

– Ой, вот только не надо... не начинай... Я же пришел, не старайся упрекнуть меня, что я плохой отец! Мы здесь сидим больше двух часов, и теперь мне нужно уехать. Ты сможешь позвонить, когда выяснится, что с ним?

Разбей я сейчас ему челюсть, доктора долго искать не пришлось бы – мы как раз находились в подходящем месте.

– Нет, не позвоню. Хотя это ты мог бы сделать сам? Тебе не приходит в голову, что ему было бы приятно видеть рядом отца?

– Вот в чем твоя проблема, Полина. Ты думаешь за сына. Ты всегда думаешь за кого-то. Жюль даже не обратит внимания на то, что меня нет рядом. Оставь свои перфекционистские штучки. Я веду себя так, как могу.

Он кивнул, раскрыл было рот, чтобы что-то добавить, но передумал. Я погрузилась в созерцание рисунка на стене, чтобы удержаться и не сказать ему: «До свидания!»

Едва он ушел, как ко мне подбежал Жюль в сопровожде-

нии медсестры. Глазки у него покраснели от слез. Он сообщил, что у него перелом запястья, очень распространенный у детей. Шесть недель ему придется провести в гипсе, потом еще три месяца он должен быть очень осторожным с этой рукой, чтобы вновь ее не сломать. Я его внимательно выслушала, спрашивая себя, сколько мне потребовалось бы упаковочной пузырчатой пленки, чтобы полностью завернуть в нее моего драгоценного мальчика.

· Глава 17 ·

Чемоданы были уложены в багажник, Мина разлеглась на заднем сиденье, отец ставил галочки в списке, пока мама проверяла, не забыли ли они чего-нибудь. Это был день великого исхода ради семейного отдыха в аркашонском доми-ке.

– Ты уверена, что не затоскуешь, если мы оставим тебя одну? – настаивал отец.

– Прекрати, пап! Что, я не могу прожить месяц без родителей? Знаешь, девочка успела вырасти.

– Знаю, знаю, но ты никогда не жила одна. Когда Бен заберет Жюля в отпуск?

– Завтра.

– Тебе трудновато будет. Лучше бы уж мы находились рядом.

– Дай ей спокойно подышать, в конце концов, – прервала его мама. – Вечно ты над ней трясешься. Неудивительно, что она так же себя ведет с малышом...

– Как я себя веду?

– Сама знаешь... Как следует закрывай дверь, если будешь уходить, с каждым годом в летнее время краж в нашем районе становится все больше. На столе в кухне я кое-что для тебя оставила, увидишь. А где Жюль?

Я позвала сына, убежавшего в сад, и тот получил свою

порцию объятий и поцелуев на ближайшие недели. Отец сделал еще одну попытку:

– Жаль все-таки, что ты не сможешь поехать с нами...

– Папа, я работаю.

– Но ведь ты могла бы приехать на выходные.

– Хорошо. Посмотрим. Приятного вам отдыха!

Родители уехали на свои места, машина тронулась, выехала из ворот и стала удаляться. И по мере того как она уменьшалась, возрастало мое чувство облегчения. Отец прав, я никогда не жила одна, но жить вместе с родителями тоже далеко не сахар.

Не раз я слышала, что маленькой я постоянно цеплялась за юбку мамы. Она даже называла меня пиявкой. В свое время я мечтала выйти замуж за папу и рыдала от безысходности, узнав, что рано или поздно им предстоит умереть. Я писала им стихи, в которых клялась, что никогда их не оставлю. Нет, судьбой мне не было предназначено стать той, кто надеется на свой органайзер, чтобы он напоминал о необходимости позвонить родителям. Теперь они очень стараются, чтобы отношения у нас оставались хорошими. Но перелом невозможно срастить одной только мазью.

Я зашла в дом, следом за мной вбежал Жюль.

– Давай, сынок, мы идем в ванную!

Он замирает на миг, скрестив руки на груди.

– Нет, не хочу в ванную! Хочу смотреть мультики!

– Жюль, не начинай! Пора в ванную, ведь ты уже посмот-

рел две серии «Чупи»²², сейчас будем мыться, а потом поедим. Ну, быстренько!

Он не сдвинулся с места, его личико пылало обидой:

– Ты – плохая! Я с тобой больше не дружу!

Еле сдерживаясь от смеха, я взяла его на руки, чтобы отнести в ванную. Мы и так полностью выбились из графика на эти выходные. У меня нет больше времени на переговоры.

Проходя мимо кухни, я вспомнила мамины слова: «я кое-что для тебя оставила».

Я приблизилась к тому, что сначала показалось мне книгой, пока маленький паршивец извивался в моих руках. На столе лежал каталог агентства недвижимости, который специализировался на аренде жилых помещений. На случай если мамин месседж не дошел бы до меня, она наклеила сверху стикер: «Хорошо бы тебе начать подыскивать жилье, по крайней мере, так будет лучше для малыша. Целую. Мама».

28 октября 2000 года

Мы остановились на последней из трех квартир, которые успели просмотреть. В первую до нас уже заселились крысы, явно не умеющие пользоваться туалетом. Вторая оказалась почище, однако в этом случае нам пришлось бы де-

²² «Чупи и Дуду» – детский мультсериал совместного производства Канады, Бельгии и Франции.

лать выбор между столом и кроватью. А вот третья находилась неподалеку от бульвара, в новостройке с лифтом, домофоном и мини-кухней. Когда мы подписывали договор четырехцветной ручкой, наши глаза светились от счастья.

В день переезда рабочих рук у нас было больше, чем мебели. Отец сам собрал кровать-мезонин²³ и «стенку» из полок с помощью брата и его подрастающих бицепсов. Натали занялась устройством панно из фотографий на стене гостиной, а твоя мать уже в тысячный раз допытывалась, уверен ли ты в том, что делаешь, ведь здесь так тесно и притом далеко от них. Жюли помогала твоему другу Стефану подключать телевизор с игровой приставкой, а Лорен, Самира, Яник и Фабьен отправились проверять, нормально ли работает кофеварка.

Закончив с расстановкой, мы собрались за столом вокруг сковороды с омлетом – без соли и столовых приборов, – он получился отвратительный, но нам было наплевать, ведь его приготовили на **нашей** сковороде на **нашей** плите и в **нашей** кухне.

Они ушли еще засветло, мы помахали им с балкона, а потом ты закрыл дверь на ключ и бросил на меня взгляд, который я хорошо знала.

– Знаешь, что перво-наперво нужно сделать после переезда на новое место?

²³ Нечто вроде двухъярусной кровати, где вместо нижнего яруса остается свободное пространство с целью экономии места.

Я ответила «нет», хотя, конечно же, знала.

И вот мы принялись «обживать» – сначала кровать. Потом диван, стол, а затем и души. Приметами пренебрегать нельзя.

Опорожнив коробки, мы разложили на полках одежду, подаренное родителями постельное белье, твои модельки, мои книги, разрозненную посуду, наши компакт-диски, видеокассеты и новинку – DVD-диски – и все те предметы «из детства», которым было предназначено сопровождать нас во взрослой жизни.

Было уже за полночь, когда наша квартирка приняла божеский вид. Мы совершенно выбились из сил от физической работы и эмоций. Мы совсем уже собрались идти спать – на одной кровати, ты справа, а я слева, пора было приобрести новые привычки совместной жизни, – то есть залезть в нашу постель под небесами, как внезапно меня осенило:

– Мы забыли самое важное!

Я схватила ручку и кусочек картона и потащила тебя за собой в коридор. Босиком, хохоча, мы сбежали по холодной лестнице до самого низу. Там ты наконец все понял.

Стоя перед почтовым ящиком, я взяла кусочек картона, написала наши имена, пририсовав сбоку сердечко, и просунула его в маленькое «окошко».

Полина Марионне

Бенжамен Фремон

Держась за руки, мы поднялись по лестнице, переступили порог новой квартиры, что нам предстояло еще делать тысячи раз, и закрыли ее на ключ. Мы были у себя дома.

· Глава 18 ·

Довольно-таки прямолинейная записка моей матери оказалась тем не менее положительное действие: она заставила меня понять нечто важное. Жюлю требовалась обстановка, в которой он чувствовал бы себя как дома, то есть комфортно. Начать я решила с обустройства его комнаты, где все оставалось нетронутым со времен, когда там жила сестра. Ведь если я сниму другое жилье, пока не вернулся Бен, для Жюля это станет еще одним потрясением. Мальчик уже привык к этой квартире, а переехать на новую можно и в конце лета, если к этому времени не произойдет положительных изменений.

Утром, когда Жюль уехал с Беном, я просмотрела интернет-каталоги мебельных магазинов и аксессуаров. Сделав заказ того, что мне понравилось, я съездила за wybranными вещами и принялась все менять.

Мне казалось, что сделать это не так уж сложно. На самом деле я и не представляла, что установка кровати и прибавление нескольких рамок к стене до такой степени меня изматывает морально. Ведь это была ежесекундная борьба, борьба не на жизнь, а на смерть – сделать так, чтобы в мой мозг не проникали через лазейку сознания образы *прежней* детской сына.

Первая кровать Жюля, которую мы выбрали вместе, обе-

гав, высунувши языки, десятки специализированных магазинов. Первая фотография нас втроем, висевшая над его комодом. Волосы на ней у меня слипшиеся, и вид такой, словно я только что побывала под многотонным грузовиком. Но если бы мне пришлось оставить единственное фото в жизни, я выбрала бы именно это.

Крохотные ползунки, которые мы сложили в ящики, говоря себе, что дизайнеры явно ошиблись и человеческое существо не может быть настолько маленьким.

Кофточка, связанная моей обожаемой Нонной, с варежками, шапочкой и пинетками из желтой пряжи.

Ночник, освещавший первые одинокие ночи нашего малыша, когда я не отрывала от уха «радионяню».

Мне требовались поистине сверхусилия. С тех пор как Бен меня бросил, все вокруг напоминало мне о нем. Словно вся вселенная на меня ополчилась, открывая мне истинный масштаб моей утраты. Запах в магазине, имя в фильме, песня по радио, похожий силуэт на улице. Присутствие Бена никогда не представлялось мне настолько глобальным, как после его ухода.

Телефон спас меня от полного погружения в грустные воспоминания. Звонила Натали. Я сбросила вызов, как делала это каждый раз. Она уже оставила мне десятки сообщений и продолжала время от времени присылать эсэмэски, чтобы сказать, что она обо мне думает.

Я познакомилась с Натали еще в лицее, мы наделали нема-

ло глупостей вместе, она была свидетельницей на моей свадьбе, а я – на ее, наши мужья стали неразлучными друзьями. Порой у меня возникало горячее желание ее увидеть, чтобы, как раньше, прошвырнуться по магазинчикам на улице Сент-Катрин, купить итальянское мороженое и посидеть на ступеньках площади Кенконс²⁴, поверяя друг другу незамысловатые амурные истории. Но если я ей отвечу, расскажу, через что мне приходится проходить, увижусь с ней, наша встреча станет дополнительным подтверждением того, что все происходящее со мной – правда.

Опять зазвонил телефон. Снова Нат. Опять я сбросила вызов, но тут же раздался новый звонок. Наверняка что-то срочное. И я ответила.

– Алло?

– Полина? Это ты?

– Да, я. У тебя все в порядке?

– Да плевать на меня сто раз! Как ты? Я знаю, что ты любишь оставаться одна, когда тебе плохо, но я и правда очень беспокоилась.

– Прости. Мне нужно еще немного времени.

– Да понимаю, птичка моя. Когда я узнала, что ты живешь у родителей, я сразу догадалась, что у тебя не все в порядке. Как ты справляешься? Удастся держать удар?

– Я не хочу об этом говорить, прости, ради бога...

– Конечно, конечно, я все понимаю! Я тебе позвонила

²⁴ Главная площадь города Бордо и одна из самых больших площадей в Европе.

только для того, чтобы услышать твой ответ. Ты получила приглашение?

– Приглашение?

– Да, на годовщину нашей свадьбы! Десять лет прошло, представляешь? Уму непостижимо, мне кажется, все это было вчера... Мы заказали тот же зал, пригласили тех же гостей, плюс несколько детей и минус несколько стариков, и поскольку это совсем скоро, я хотела убедиться, что ты придешь.

– Когда это будет?

– В следующую пятницу. Так, значит, ты не получила приглашение?

– Нет, я ничего не получала. Прости, Нат, я не смогу прийти. Я еще не готова встретиться со всеми. И потом, думаю, он тоже там будет.

– Он же был у нас свидетелем, его нельзя не пригласить. Но придет очень много народа, тебе не обязательно с ним общаться. Давай, Полинка, давай, я не представляю нашей вечеринки без тебя! Ну, пожалуйста!

– Я правда не могу, прости. Вот на ваше двадцатилетие я обязательно приду, обещаю.

Голос ее изменился, помрачнел.

– Ну что ж. Очень жаль, я думала, ради меня ты сделаешь над собой усилие.

– Жестоко, Нат. Если бы ты была на моем месте, ты...

– Понимаю, ты страдаешь, все можно понять, но ведь про-

шло пять месяцев! На сколько месяцев еще ты собираешься
выключить себя из жизни?

– Мне нужно идти, хорошего тебе дня.

– Послушай, Полина...

Мне хотелось быть от ярости, когда я вешала трубку. В
следующий раз, пусть она мне звонит хоть тысячу раз, пусть
лезет в окно или пришлет почтового голубя, я не отвечу ни
слова. Если такова ее концепция дружбы, пусть одарит ею
кого-нибудь другого. Разве я не права? Кто она такая, чтобы
бросать мне правду в лицо?

18 февраля 2002 года

*Мы сыграли в игру «камень, ножницы, бумага». Твои нож-
ницы затупились о мой камень. Скромная, но все-таки по-
беда, и я, танцующая и напевая «Декалькатан, декалькатан, о-
е, о-е»²⁵, прошла по нашей квартире.*

*Ты пошел туда вечером, после работы. Я снабдила тебя
подробным списком, сгруппированным по отделам, и марши-
рутом, который следовало проложить в магазине, посетив
отдел заморозки в последнюю очередь.*

*И всего-то нужно было купить пятнадцать наименова-
ний. После трех часов ожидания, когда я уже намерева-*

²⁵ Песенка на креольском языке популярной в 1980-х гг. поп-группы из Фран-
цузской Гвианы и Французской Вест-Индии «Ля Компании креоль». Слова озна-
чают приблизительно следующее: «Шизик, чего ты ждешь?»

лась звонить в полицию по поводу исчезновения человека, ты явился, нагруженный пакетами и с улыбкой до ушей.

– А у меня для тебя подарок! – возвестил ты, оставляя пакеты в кухне.

Я подбежала и повисла на твоей шее. Как же я люблю подарки, особенно если они предназначены мне!

– Хочешь получить немедленно?

– Да! Да! Я была хорошей девочкой!

Ты порылся в одном из пакетов и извлек оттуда розово-белую коробочку. Сразу я ничего не поняла. Но потом прочла, что было на ней написано:

«Пластины с холодным воском для эпиляции лица».

– Как раз была промоакция, и я решил, что тебе понравится.

Я смотрела на тебя, вытаращив глаза, а ты... просто лопался от гордости, старясь изо всех сил это скрывать.

· Глава 19 ·

Честно говоря, мне и правда не нравится жить одной. Родители и Жюль всего четыре дня как уехали, а я уже готова была разместить объявление, что ищу жильца или хотя бы морскую свинку.

Такое со мной впервые. Как только у меня появилась возможность, я покинула отчий дом и стала жить с Беном. Тогда мне было двадцать. Даже когда у нас родился ребенок, он спал вместе со мной. Вот уж не думала, что когда-нибудь стану так скучать по родителям, – слишком уж тихо в доме. А я предпочитала слышать скорее мысли других людей, высказанные вслух, чем собственные.

Напрасно я засиживалась на работе допоздна, а по вечерам таскалась по супермаркетам, все равно мне не удавалось убить лишнее время. Когда я сказала своей коллеге Кристине, что мне одной скучно, она сделала большие глаза и заохала. Мне показалось, что она вот-вот взорвется. Она призвала в свидетели Николь из бухгалтерии, чтобы повторить ей то, что я ей сказала, и они принялись смеяться, бросая на меня косые взгляды.

– Ой, не могу! Все бы отдала, чтобы вот так немножко поскучать, – хихикала Кристина.

– Да и я, пожалуй! Хочешь, одолжу тебе моих четверых детей вместе с мужем? – вторила ей Николь.

Затем они успокоились и начали составлять список дел, которыми занялись бы, окажись у них свободное время. Один пункт, похоже, соблазнял их особенно: «побаловать себя».

Поэтому я твердо решила, что это станет моей программой на сегодняшний вечер.

Из агентства я уехала вовремя и сразу отправилась к себе. В доме, несмотря на жару, было прохладно. Я сбросила босоножки и распустила волосы. Покопавшись в компакт-дисках отца, я вставила один в плеер, и вскоре раздался голос Барри Уайта²⁶. Мои коллеги тысячу раз правы: коль уж появилось лишнее время, стоит потратить его на себя. Ведь раньше я всегда с большим рвением за собой следила, вот и постараюсь снова выглядеть безупречно. Не считая природных внешних данных, разумеется.

Увы, я далеко не хорошенькая. Я поняла это очень рано, когда еще была ребенком, все называли меня «миленькой», а сестру – «красавицей». Губы у меня очень тонкие, глаза посажены слишком близко, да и нос, мягко говоря, великоват.

В подростковом возрасте в дополнение к моей некрасивости я еще и растолстела. Мама заставила меня сесть на диету, говоря, что это необходимо для моего здоровья. На самом же деле это требовалось ей самой, для ее самолюбия.

²⁶ *Барри Уайт* (1944–2003) – американский певец в стиле ритм-энд-блюз, пик популярности которого пришелся на середину 1970-х гг.

Дочь вроде меня была для нее настоящим позором. По мере того как я набирала килограммы, мама все больше от меня отдалялась, и я это чувствовала. Она все реже разговаривала со мной, становилась все раздражительней. А потом она ушла. Как-то вечером, когда я вернулась из лицея, на кухонном столе меня ждала записка. «Мне нужно побыть одной. Не ищите меня. Я скоро вернусь». Подписи не оказалось, но я сразу узнала ее почерк. Папа мгновенно сменил маму на бутылку. Ромен стал куда-то исчезать по ночам. Эмма целыми вечерами не сводила глаз с входной двери. А я перестала нормально питаться.

Вернулась она через триста сорок три дня к моим двадцати четырем килограммам весу. От меня остались лишь кожа, кости, да еще нос. Мама сказала, что так дело не пойдет и обвинила отца: дескать, он не замечал, что со мной происходит что-то неладное. Но ведь это было нормально, что он ничего не замечал, – ведь у него все это время постоянно двоилось в глазах, вот я и казалась ему толще. Меня поместили в клинику, и врачи повесили на меня ярлык со словом, за которое полагается немало очков при игре в скрэббл²⁷, а мама отвоевывала свое место хозяйки дома, пока я возвращалась к жизни. С тех пор я никогда уже не отказывалась от еды, однако продолжала взвешиваться по утрам, чтобы оста-

²⁷ *Скрэббл* (рыться в поисках чего-либо, *англ.*) – настольная игра, в которой игроки соревнуются в образовании слов с использованием буквенных деревянных плиток на доске, разбитой на 225 квадратов. В русскоязычной среде известна также под названиями «Эрудит» или «Словодел».

ваться уверенной в том, что меня снова не бросят.

Дабы не пугать людей, я взяла за правило ежедневный уход за лицом и волосами. Парикмахерскую посещала раз в месяц, маникюр-педикюр обновляла раз в две недели, регулярно пользовалась кремами, дважды в год консультировалась с диетологом. Я никогда не выходила на улицу без макияжа, обязательно использовала пудру, румяна, тушь для ресниц, помаду, ногти у меня всегда были как на картинке, после каждого мытья головы непременно проходила по волосам «утюжком», а по воскресеньям тщательно подбирала одежду на будущую неделю. Но исполняла я все это на автомате, без всякого удовольствия. Однако в этот вечер я решила как следует посмаковать косметическое действо.

Я зажгла свечу с ванильным ароматом в ванной комнате, наложила маски на лицо и волосы и постаралась сосредоточиться, ощущая свою кожу, ласкающую нежность и чудную освежающую приятность косметических средств. Затем я погрузилась во вспененную ванну с небольшим количеством почти горячей воды. И мгновенно почувствовала разрядку. Прикрыв глаза, я позволила мышцам окончательно расслабиться, а голове приказала замедлить мыслительный процесс. Замедлить. Замедлить.

Я уже пребывала на грани блаженного забытья, когда раздался звонок моего телефона. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя. Не медля, я вылезла из ванны.

Я совсем забыла, что сегодня пятница и скоро восемь часов.
Мне бы следовало давно быть в пути.

· Глава 20 ·

– Я знала, что ты обязательно придешь!

Натали горячо обняла меня. Она надела свое свадебное платье и держала в руках тот же букетик, что и десять лет назад.

– Пришлось сесть на диету, чтобы в него влезть... Ах, как же я счастлива, что ты здесь!

Я бы тоже, наверное, была счастлива, если бы не тревожилась так сильно. Несколько секунд передышки – я постояла, уткнувшись лицом в плечо Натали, прежде чем решилась предстать перед остальными гостями. Собрались все наши общие друзья. Все те, для кого мы были не кем иным, как «Полиной и Беном». Внешне я осталась, впрочем, той же, кого они знали. Придется нацепить свою самую широкую из улыбок и притворяться расслабленной и веселой, чтобы не выглядеть той, у кого одна только мечта – поскорее нырнуть под свое одеяло.

– Мама! Папа говорит, что мне нельзя пить шампанский сок, ну скажи, ведь можно, можно?

Жюль, открыв дверь в прихожую, тянул меня внутрь зала, прямо к барной стойке. Я подняла его и взяла на руки, а он начал отбиваться, чтобы спуститься. Прошла почти неделя, как мы расстались, а он не соизволил даже меня поцеловать! Мне захотелось сделать ему приятное и подать чашечку сока.

– Нет, дорогой мой, шампанское – для больших.

– Я уже большой!

– Да, ты уже большой мальчик, но недостаточно большой, чтобы пить шампанское. Хочешь апельсиновый сок?

– Почему это только для больших?

– Потому, что это – спиртное.

– А почему спирт ноет?

– Послушай, сынок, иди-ка, поиграй с Элизой, Эстебаном и Айной. Мама должна со всеми поздороваться.

– А зачем ты должна поздороваться?

Я оглядываюсь в поисках выхода и сразу же вижу Бена, прислонившегося к стене и оживленно болтающего с двумя друзьями новобрачных. Он послал мне мимолетную улыбку, не прерывая разговора. Так вот кем я стала теперь для него: случайной знакомой, кому можно издалека едва заметно улыбнуться! Я обернулась к Натали со словами:

– Я вот что думаю – а не выпить ли и мне немного «шампанского сока»?

Она расхохоталась и повлекла меня к стойке, но в это время я почувствовала, что кто-то нежно обвил меня руками за плечи. Я быстро обернулась, готовая к жесткому отпору. Но я уже явно расслабилась.

– Я так рада тебя видеть!

У меня едва хватило времени, чтобы разглядеть светлые волосы Жюли до того, как она бросилась мне на шею. Я тоже крепко обняла ее и прижала к себе.

Когда дома, лежа перед телевизором под своим одеялом, я мысленно переносилась в Нью-Йорк, в Аббатство Даунтон, Вашингтон или Винтерфелл; когда я была в шкуре то адвокаты, то домохозяйки, то модели, окруженной либо славными сожителями и всемогущим супругом, либо драконами, – разве стоило все это подлинных дружеских объятий!

– Итак, куда ты пропала? Почему не отвечала на звонки? Как же ты исхудала! Что скажешь о моей новой стрижке?

Жюли осаждала меня вопросами. В нескольких словах я попыталась ей объяснить, что мне необходимо было закапсулироваться в ожидании того, что время сделает свое дело, она все поняла, хотя могла бы и высказаться менее эмоционально:

– Если бы меня вот так же бросили, уж я-то не постеснялась бы вывалить ему на голову кучу дерьма, да-да, чтобы научить его жизни. А ты уверена, что он никого не завел? Запомни, мужики никогда не уходят, если у них никого нет, для этого они слишком трусливы.

С Жюли я познакомилась на курсах. Она постоянно опаздывала на занятия, хотя никогда не прогуливала, носила кожаные штаны и нагло разговаривала как с преподавателями, так и с учащимися, но всегда получала самые лучшие оценки. В группе все ее терпеть не могли. Но меня она завораживала. Она принимала все и прежде всего себя. Полная моя противоположность. Однако, пробившись через ее броню, я вскоре поняла, что мы вовсе не такие уж разные. Она поте-

ряла мать два года назад, засовывала два пальца в рот после каждого приема пищи и всячески скрывала свою всепоглощающую страсть к Ларе Фабиан, то есть нас многое сближало.

Натали не сразу ее приняла. Она утверждала, что та ей не нравилась, хотя на самом деле ей не нравилось то, что Жюли представляла для нее угрозу. Я поклялась ей головой Дражича²⁸, что за ней навсегда останется место моей лучшей подруги, после чего Натали стала находить Жюли менее неприятной. Обещание до сих пор остается в силе, хотя за это время девушки очень сблизились. Но стоило мне по неосторожности начать отдавать предпочтение Жюли, как мадам начала страшно сердиться. Тридцатилетняя женщина – такой же подросток, как и все остальные.

С бокалами в руках мы уединились втроем в увитой зеленью беседке парка. Все, мимо кого я проходила, приветствовали меня парой-тройкой теплых слов. Сначала я думала, что это будет меня страшно раздражать, однако на деле оказалось даже приятным. Через стеклянную дверцу беседки я видела, как на дорожке резвился Жюль, играя с другими детьми. Бен по-прежнему подпирал стену, явно увлеченный тем, что ему рассказывала маленькая хорошенькая брюнетка, чье лицо мне показалось знакомым. Но никаких закон-

²⁸ *Дражич* – герой популярного австралийского телесериала конца 1990-х гг. «Школа разбитых сердец», девятнадцатилетний красавец, которого сыграл австралийский актер Каллэн Мулвей (р. 1975).

ных прав у меня на него больше не было, я даже ревновать не имела права. Натали положила руку мне на бедро.

– Ну и как тебе живется у родителей? Ты еще никого не убила?

– Нет, все в порядке. Я ожидала худшего, будь у меня выбор, я бы предпочла уйти в другое место, однако же, как ни странно, все скорее хорошо, чем плохо. Папа, как всегда, готов помочь, ты его знаешь, а мама старается изо всех сил.

– Хочешь сказать, что она тебя ничем не грузит?

– Ну, это ты загнула, конечно, грузит. То, видите ли, я ригидная²⁹ в психологическом смысле, то чересчур тревожная в отношениях с сыном, то перфекционистка, пытающаяся контролировать все на свете, то я слишком сильно похудела, то... короче, обычные штучки. Но если не считать всех этих мелочей, отношения у нас нормальные.

– Ясное дело, ты сильно похудела! – подтвердила Жюли. – Красотка!

– Да эти диетологи – просто мошенники. Для того чтобы сбросить вес, достаточно развестись. Ну а ты как, Нат? Десять лет, ужас берет! С Марком все та же пламенная любовь?

– О, как во всем: есть свои взлеты и падения, но с моей стороны было бы верхом неделикатности тебе жаловаться. Ну, мне пора, пойду к другим гостям, увидимся позже, девочки!

²⁹ *Ригидность* – термин психологии, означающий неспособность субъекта действовать в новых ситуационных условиях.

Она встала и пошла по дорожке, за ней тащился длинный шлейф. Да, десять лет назад у нас было меньше морщинок, не было детей, но было больше легкости. Головы наши были забиты мечтами и планами, да и держались мы более уверенно. Планы отчасти реализовались, а вот уверенности прибавилось. И почему нас не предупредили, что взросление – довольно горькое похмелье?

– А ты, Жюли, все еще с Каримом?

– Все еще, мы только что отпраздновали нашу первую годовщину. Для меня это почти рекорд! Он не смог прийти, сейчас он в служебной поездке, но это в последний раз, его скоро переведут на должность без командировок. Мы с ним...

Она внезапно прервалась.

– Так что вы с ним?

– Нет, ничего.

– Да в чем дело?

– Нет, я просто идиотка, дала себе слово не говорить с тобой об этом, и вот на тебе, пожалуйста, выложила все на блюдецке с голубой каемочкой.

– Да о чем со мной не говорить? У тебя отношения с Беном?

– Ха, ха, очень смешно! Нет, другое... мы с Каримом решили, что будем жить вместе и заведем ребенка.

Я отпила апельсинового сока. Во рту все горело.

– О, но это же здорово! Почему ты не хотела мне гово-

ритель? Я так за тебя рада!

– У тебя сейчас такое трудное время, а тут еще я со своим счастьем. Уверена: у вас с Беном все наладится. Вам так хорошо было вместе, он обязательно одумается.

У меня к глазам подступили слезы. Предположим, это опять от едкого сока. Жюли посмотрела в сторону зала и нахмурилась.

– А что это за телка разговаривает с Беном?

– Понятия не имею. Она мне вроде кого-то напоминает, но не знаю кого.

– Она не золовка ли Натали?

– Сестра Марка? Нет, той всего тринадцать...

– Да? Тринадцать ей было десять лет назад.

Наши взгляды углом сошлись к брюнетке. Лицо у нее стало тоньше, фигура полностью изменилась, грудь приобрела пышность, и все же это была она, малышка Лола, шептавшая что-то сейчас на ухо моему мужу.

– Ей что, завтра не в школу? – пошутила Жюли, чтобы меня развеселить.

Я не ответила. Апельсиновый сок определенно выжег мне голосовые связки.

– Не волнуйся, если что мне и удавалось всегда, то это разбивать парочки, а уж никак не соединять их! – продолжила она, вставая с места.

Она залпом допила свой бокал и вернулась в банкетный зал.

Через стекло я наблюдала, как она направилась к ним, чмокнула Лолу и обвила рукой шею Бена. Он взглянул в мою сторону, и я поспешила отвернуться.

За тот час, что я провела в гостях, я успела переделать кучу дел: узнала все последние новости от родителей Натали, поболтала кое с кем из приглашенных, вытерпела ухаживания какого-то типа, который должен был учиться в школе вместе с Тутанхамоном, всласть нацеловала Жюля и подержала платье невесты, пока она делала свои дела в туалете. Жюли не отходила от Бена, пока Лола наконец не отвалила. До полуночи было еще далеко, но меня одолевало лишь одно желание: поскорее уйти. Натали, очевидно, догадалась, потому что подошла ко мне и прошептала на ухо:

– Знаю, чего все это тебе стоило, ты и так большая молодец, что пришла. Если хочешь уйти, я пойму.

Я молча кивнула. Стоило мне открыть рот, и я залилась бы слезами. И тут раздалась песня «Ангелы» Робби Уильямса³⁰, та самая, которой они открывали бал десять лет назад. Натали обняла меня, еще раз шепнула «спасибо» и поспешила, чтобы пригласить на танец мужа. Гости сгрудились на танцполе. Для меня создался идеальный момент, чтобы улизнуть.

Я поцеловала сына, который принялся отбиваться, чтобы скорее вернуться к друзьям по игре в прятки, пообещала Жюли, что буду отвечать на ее звонки, и покинула праздник,

³⁰ Роберт Питер (Робби) Уильямс (р. 1974) – британский певец, автор песен и актер.

мечтая как можно скорее вновь обрести моих телевизионных наперсников. На парковке возле дома, опершись спиной на машину, курила какая-то парочка. Поравнявшись с ними, я поздоровалась. Они обернулись и пожелали мне хорошего вечера. Это были Лола и Бен.

У меня вдруг страшно заболел живот. Черт бы побрал этот едкий апельсиновый сок.

9 августа 2002 года

Тот день мы целиком провели в Аркашоне, чередуя купание и ничегонеделание. Мы могли говорить часами, стоя по шейку в прохладной воде, что вполне уравнивалось нещадно палящим солнцем.

Разносчик мороженого сказал, что поздним вечером ожидается звездопад. Нам сразу захотелось остаться на пляже и дождаться этого впечатляющего явления. Было решено устроить пикник и полюбоваться умиранием дня и рождением ночи.

Лежа на полотенцах, мы не спускали глаз с черного неба, надеясь увидеть яркую черту.

– Смотри, там, кажется, что-то блестит!

Я показала направление, и ты засмеялся.

– Если мигает, значит, самолет.

– Ох-ох-ох!

Было уже за полночь, я промерзла и уже с трудом выно-

сила прилипший к телу песок. Услышав про «падающие звезды», мы приготовились увидеть их во множестве, рассекающих мрак так часто, что мы не будем успевать поворачивать голову, дабы не упустить следующую. Но темное небо пронзали лишь ночные чайки, которым не было дела до нас и наших надежд.

В час ночи ты решил вернуться. Мне тоже, конечно, этого хотелось, но я не сомневалась, что сразу после того как мы уедем, она и появится, падающая звезда, специально, чтобы нас позлить. Словно игровая машина в казино, которая тут же выдает «джекпот», едва ты перейдешь к соседней.

– Подождем еще чуть-чуть, хорошо?

Ты заворчал. Мы остались.

На самом деле, несмотря на мелкие неприятности, я понимала непреходящую ценность момента. Не так уж часто мы могли проводить столько времени вместе, ничего не делая, только разговаривая или разделяя молчание друг друга. Ни книг, ни телефона, ни компьютера.

В два часа мы решили, что подождем еще десять минут. Не больше.

В три часа восемнадцать минут нас вырвала из забытья яркая вспышка. Мозг, отяжелевший от сна, стал формулировать желание, которое я собиралась загадать, но тут я сообразила, что это вовсе не падающая звезда. Нас ослепил фонарь.

— Национальная жандармерия! Спать на пляже запрещено! Просим вас немедленно покинуть это место.

Мы собрали вещи и убрались без малейших возражений. Даже падающие звезды не сделали бы это так быстро.

· Глава 21 ·

Приближалось время закрытия агентства, когда распахнулась стеклянная дверь и вошел мужчина. Кристина, моя коллега-ассистентка, посмотрела на меня с отчаянием. Она имеет обыкновение по утрам опаздывать на несколько минут, а вечером уходить чуть раньше – таким образом она выражает протест системе, полной несправедливости. Думаю, если бы ей пришлось задержаться на работе сверх положенного времени, прописанного в договоре, она бы от злости вонзила себе в голову скрепку.

– Я займусь им. Добрый вечер, месье!

Кристина послала мне благодарную улыбку, а незнакомец направился к моему столу. Ему было около пятидесяти, зачесанные назад волосы, хорошо начищенные ботинки, старомодный костюм. Типичный профиль кандидата, которому нечасто везет, но который только на везение и рассчитывает. Пригласив его сесть, я спросила, что могу для него сделать.

– Мне нужна работа.

– В какой области?

– Неважно. Я должен начать работать как можно быстрее, меня устроит любая работа, какая найдется.

– Хорошо, мы заведем досье и внесем вас в базу. Резюме принесли?

– Резюме?

Он открыл картонную папку, достал оттуда листок бумаги и протянул мне. Грузчик, торговый агент, подсобный рабочий. Рабочий стаж все же был, хотя разброс должностей оказался довольно велик. Я приготовилась расспросить его подробнее, но тут мое внимание привлекла одна деталь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.